

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ИЗДАНО ПО СЛѢДСТВІЮ

ОБЪЕДИНЕНІЮ ПРАВОСЛАВНАГО ЦЕРКОВНАГО
УЧЕБНАГО ЗАВѢЩАНІЯ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСКЪ III.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1838.

09:811

P893

ПЕЧАТНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

ПРАВА

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Smeginer

79852

15917

791/80/6438

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Издан. И. Снегирева.

-
- I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.**
 - II. КРАСНАЯ ГОРКА.**
 - III. РАДУНИЦА.**
 - IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.**
 - V. СВИСТОПЛЯСКА.**
 - VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ.**
 - VII. ПЕРВОЕ МАЯ.**
 - VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.**
 - IX. СЕМИКЪ.**
 - X. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.**
-

РАСЧЕТ

ПРОСТОТАРОДНЫЕ ПРАВИЛА

Всего 11. Счетная

I. ПОЛНОЕ ВЕЩНО

II. ПОЛНОЕ ПОРЯД

III. ПОЛНОЕ ПОРЯД

IV. ПОЛНОЕ ПОРЯД

V. ПОЛНОЕ ПОРЯД

VI. ПОЛНОЕ ПОРЯД

VII. ПОЛНОЕ ПОРЯД

VIII. ПОЛНОЕ ПОРЯД

IX. ПОЛНОЕ ПОРЯД

X. ПОЛНОЕ ПОРЯД

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы опъ сна зимняго и со вспупленіемъ солнца въ знакъ Овна начинающся весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, копорыя имѣютъ опношеніе къ времени года, климату, мѣспности и связь съ житейскимъ бытомъ Рускаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется красною. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *яръ*, *gár* (произн. *яръ*); у Скандинавовъ *vár*, *vor*, начало весны, на Исландскомъ *aar* значить годъ, весну, *жапву* (1). Слова сіи производспвомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ *ἔαρ* весна, происходящимъ опъ Еолійскаго *ἔηρ*, вмѣсто *ἦρ*, Лапин. *ver*. *Ярѣ* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. *Jaht*. Но Слав. *яръ* и Сканд. *var* кажутся тождественными съ Славяноруск. *варъ* и *жаръ*. — *Edda rythmica, seu antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae 1828, in 4.*

вяпъ *Яра* на свадебныхъ пиршествахъ (2), отъ котораго происходитъ и *яровое* и пр. Слова сіи, по видимому, однородны съ Славяно-Рускимъ *Ирѣ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улетаютъ и отсюда прилетаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣтъ*, въ Боснійскомъ *prolitje*, *primaletje*; а первые при весенніе мѣсяца Марпъ, Апрѣль и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіемѣ* и *пролѣтними*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марпа, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Letnice*, *Ženské Letnickj*, вѣроятно отъ Славянской Лепницы, Лепы, Ляпоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Чтожь касается до слова *весна*, то оно уже встрѣчается въ Славянской Библии, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Попопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврей-

(2) *Карамз.* II. Г. Р. I, 88.

(3) „И сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Ирѣ* „идутъ.“ см. Духовная В. К. Владиміра Моном. Спб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виндовъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „*Лѣто* и *весна* не престанутъ.“

скимъ Nisan, именемъ не только Марша, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрѣль называется Iar (Йяръ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производитъ слово *весна* отъ Санскритскаго Vasantá, праздникъ *вешній*; но, кажется, оно созвучнѣе съ Инд. Вишну, который почитается за первое начало пипательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ ясности внешней погоды епо время года могло быть названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в=ясна!*

Епопъ мѣсяць, по причинѣ случающагося въ немъ весенняго равноденствія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сѣпованія. Индійцы въ началѣ Марша праздновали малый праздникъ Durga, или природы - богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники встрѣчаются съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около епого времени (24 Марша) въ Римѣ бывалъ Цибелинъ праздникъ Sanguen, на коемъ жрецы

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. Calmet. à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. Kreutzer. t. I. à Paris, 1825: in 8.

ея оплакивали убіеннаго Аписа — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе ко-
его на весну въ слѣдующій день воспрѣчаемо
было общимъ радостнымъ праздникомъ, *Ni-*
laria (7). Такъ какъ, по древнему Персидскому
календарю, Марпъ былъ не *Ferwerdin*, но *Ader*,
тоже что Египетскій *Athyr*: то надобно еще
замѣнить, что въ епомъ мѣсяцъ Египтяне
вспоминали, общимъ сѣпованіемъ, погребеніе
Озирида, который не что иное, какъ солнце,
отсутствующее и возвращающееся на весну
подъ изображеніемъ убіеннаго владыки и гро-
ба. Въ мѣсяцъ Адеръ бывала также торже-
ственная ѣзда на ослѣ, на котораго сажали, на
посмѣшище народу, балагура; подобный об-
рядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе
вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣ-
тельству Плутарха (8), въ Аѳинахъ пальмо-
вая вѣтви носимы были по спогнамъ гра-
да въ праздникъ Въпвеношенія что и до-
нынѣ совершается на всемъ Востокѣ при
брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ
Марта мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго
воспрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ
Darmaradscha и *Drobede*, въ продолженіи коего

(7) *A. Macrobi viri consularis Saturnaliorum. Eucharius Cer-*
vicor. excudebat. an 1526, in. f.

(8) *Plutarchi Theseus, c. 23. — W. Wachsmuth & Hellen.*
Alterthümshunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

посыпались главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ*, у Персовъ *Newruss*, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: то и въ Россіи до XV вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяць гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ етому давала поводъ сама обновлявшаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаются *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ засылую землю, съ горъ текутъ вешнія воды; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельности изъ курной душной избы на пропалинки, на чистыя поля и привольные луга; по мѣстамъ бывають торги и ярмарки, которыя оживляютъ народную промышленность и способствуютъ къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ собирается сѣять яровое и садить хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Рускими пословицами и играются на красную горку свадьбы: имъ предшествуютъ и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. B. Augusti. III B. Leipz. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ поржеспвуютъ *ладѣ* двухъ началъ міра, проявляемаго человекомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ прообразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ *księżyc*. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземъ*, а мѣсяцъ, или луну, *Княгиною*: то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземъ*, а новобрачная *Княгиною*. Самая церковь при вѣнчаніи обручаетъ перваго символомъ солнца, золотымъ перстнемъ, а другую символомъ луны — серебрянымъ перстнемъ, въ прообразованіе подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ символъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстные въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнью человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемъ* мертвящей зимы, или смерти; онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или *Höfudblót*, въ Язы-

(10) Потребникъ мірской. Москва. 1639. въ листъ.

чеспвѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, торгами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Февраля, который у язычниковъ и Хрістіанъ именовался мѣсяцемъ *отистительнымъ*. У Чеховъ и опчаспи у Нѣмцевъ первое число Марша почиталось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. *Hie wart der erst dag in der welta*, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычеспвѣ совершалась торжественная призна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донынѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мертвыхъ, сходнаго опчаспи съ Рускою Радуницею, когда, по свидѣтельству Спюглава, *творили оклитки покойникамъ*. Въ началѣ Марша тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Епощъ праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готѣовъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum priscorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Völker, 2 Th. Stendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подъ именемъ замореной зимы и возобновляющейся весны. См. *Масляница*. У послѣднихъ весна, называемая *Мараною*, встрѣчается пѣснею :

Giz nesm smret ze wsy,
 Nové léto do wsi.
 Wjtey lèto libezné,
 Obiljéko zelene !

п. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весъ. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около епого времени, донынѣ въ Бѣлоруссіи и Липвѣхъ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ **Маршинъ Бѣльскій** говоритъ : „**Мечиславъ** въ „965 году отъ Р. Х. приказалъ бросить въ огонь деревянные испуканы, а каменные по- „попить въ водѣ. Опного и донынѣ (п. е. „до 1576 года) существуетъ попъ обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмого „Марта попятъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи- „ною и вышедши изъ деревни, поютъ: Смерть „въеся по заборамъ, ища себѣ поживы.“ **Ю- акимъ Бѣльскій** въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего опца слѣдующими сло- вами : „На моей еще памяти, существовалъ „у насъ епопъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соотвѣтствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„попили болвана, нарядивъ снопъ конопли
 „или соломѣ въ одежду челоуѣка: его про-
 „вожала вся деревня къ ближнему озеру или
 „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала
 „въ воду съ приговорами“ (14). Изъ древняго
 обычая и свидѣтельствъ Бѣльскихъ видно,
 что Маржана была женщиною, а чучело —
 образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почи-
 таеиъ Маржану за расиеніе, извѣстное у
 насъ подѣ именемъ марены, полагая, будто
 оно сообщило названіе народному празднику.
 Длугошъ (15) сравниваетъ Маржану съ Це-
 рерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ,
 и свидѣтельствуетъ о великомъ почтеніи къ
 оной Поляковъ: что подтверждаетъ и Нару-
 шевичъ. Такое противорѣчіе въ значеніи Мар-
 жаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндѣй-
 скою Дзидзиліею и Чешскою Мораною, согла-
 сить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ со-
 четаваеися смерть, рожденіе и плодотвор-
 ность (16).

Слѣды етого мифа, относящагося къ вре-
 мени года и къ жизни челоуѣческой, встрѣ-
 чаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

(14) *Kronica Marcina Bielskiego*. Warszawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii historiae Polonicae libri XII*, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Anton T f a n y. 2 T. Znaim. 1827, in 8,

Руской Миѳологіяхъ. У Исландцевъ *Mara*, или *Marra*, у Агличанъ *Night-mare*, у Веспфальцевъ *Nachtmähre*, у Чеховъ *Morusi* значить *кикимо-ра*, *поспѣнь*, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучить людей во время сна до пѣхъ поръ, пока не лишить жизни. Это подтверждается Исландскою поговоркой: *Maren trad hann*, т. е. *поспѣнь его давить, верхомъ ѣздить*, тоже что у Нѣмцевъ: *der Mahr ihn drückt*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юпландіи употребляется слово *Mara* вмѣсто клятвы, у Нѣмцевъ *Mahr*, *домовой*, *привидѣніе*. Въ Польскихъ миѳахъ *Mara* также значить *призракъ*, отъ коего производятъ и *Marzec*, какъ видно изъ слѣдующихъ словицъ:

Sen mara, Bóg wiara, т. е. *сонъ мечта, а Богъ вѣра*, или *Грозень сонъ, да милоспивъ Богъ*.

Miesiąc marzec zwykł starych straszyć marami, т. е. *мѣсяцъ Мартъ привыкъ спращать спариковъ марами (призраками)* (17).

Въ Малороссіи между проспымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая *Марану*: *Мара свитова*, т. е. *ека ны сапана! разумѣя подѣшимъ злаго, душегубнаго духа, лепающаго по свѣту и сходнаго съ Рускою Варагушею, Кумохою, Веснухою, Віошницею, копорая ве-*

(17) *Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach; opisane p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831. in 8.*—Замѣч. Профессора Лобойки.

сною насылаешъ лихорадку мучишь людей. Въ Карпахахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы тя взяла!* Изъ етого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, состраждешъ природа, а съ нею и человекъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mors, моръ?). У Малороссіянъ Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* называется чучело изъ черноклена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семикъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Марпѣ былъ временемъ поства: то чтили ея должны были жить юнѣе, чѣмъ ихъ попомки, которые не могутъ сѣять яроваго прежде Апрѣля на Сѣверо-Востокѣ Россіи (19). Вѣроятно Марпѣ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, поклонявшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгнаніе зимы* — остатками празднества въ честь етого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные миѣы.

(19) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. P. 1795, in 8.

Въ Украйнѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδόνια*) дѣти нося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласточку, ходящъ съ нею по домамъ славящъ наступленіе весны, копорая именуется въ Малороссіи *Ярью* и *Зеленаткою*. Вообще тамъ, когда „раз-
таешъ снѣгъ, щука разобьетъ хвостомъ
„ледъ на рѣкѣ, а ппичка овсянка запоешъ
„свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходящъ по улицамъ и привѣтствуютъ весну пѣснями; епо называется *Веснянками*, кои тамъ поются до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаются съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣстамъ подъ *Веснянками* извѣстны миѣическія существа женскаго пола, кои являются только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Вспрѣча и окликаніе весны приходящя, смотря по климату и мѣстности, въ разное время, и дѣлается различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребята взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, кличутъ весну дважды: въ день Евдокеи *весновки* и на Сороки, припѣвая:

(19) Енциклоп. Лексиконъ, т. X, ст. *веснянка*.

Весна красна!

Что ты къ намъ принесла?

Красное лѣтешко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Коспромской Губ. въ великій чепвергъ, рано поупру, окликаютъ весну. Въ XVI еще вѣкъ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Стоглава, тогда „по рану соломѣ палили и кликали мертвыхъ.“ Донынѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ епомъ день упрумъ, предъ восходомъ солнца купающа для здоровья. Около Буй и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне трижды погружающа въ воду, трижды кувыркающа по землѣ и потомъ по углу взлзающа на избу и поюща пѣсни въ честь весны. Въ Чиснопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій чепвергъ, при полночномъ пѣніи пѣшуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахту почерпнутъ воды, пока воронъ не обмакнулъ въ нее крыла. Епою водой они умывающа. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватяся руками одна съ другою, припѣвающа: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Еслижъ не раскрылись воды: то дѣвки схватяся за руки, вертяся вокругъ проруби съ пѣми же припѣвами. Въ Цепрозоводскѣ встрѣчающа

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, копорое поднявъ на шестъ, спавятъ на горкѣ, попомъ сядяся вокругъ него пировать и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Оминой недѣли закликаютъ, а въ Калужской зазываютъ на горкахъ весну хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидѣ, ой Ладо!* кои вездѣ повтораюся въ епо время и напоминаютъ Липовскаго *Дидисѣ-Ладо*, т. е. великаго Ладо, какъ фактъ историческій о вліяніи Липовской Теоокрапії на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можетъ быть, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоего пола собираются на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицомъ, обращеннымъ на воспокъ, проговоривъ молитву, становятся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой начинаетъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна !

На чемъ пришла ?

На чемъ приѣхала ?

На сошечкѣ,

На бороночкѣ.

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — *Dzieje starozytne narodu Litewskiego* p. T. Narbutta. t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки нѣтъ:
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золошомъ,
 Узду везетъ пшесменную.
 Ахъ! горе великое!
 Кому-то достанется?
 Достанется моему суженому,
 Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хоро-
 водныя, начинаясь отъ Красной горки, про-
 должаются до Ярилы, или до Всесвятскаго
 заговѣнья, въ которое *провожается весна по*
закапѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержащіяся
 мимическія представленія изъ народнаго быта,
 коихъ содержаніе выражается относящими-
 ся къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ ка-
 чаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ.
 Первый весенній дождикъ встрѣчается пѣ-
 сню, копорую такъ поютъ въ Костромской
 Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дѣдову пшеницу,
 На дѣвкинъ лень,
 Поливай ведромъ.

У Рускихъ есть общее съ Исландцами
 повѣрье, что весною, особенно въ первый

день Пасхи, солнце играетъ (21). У первыхъ
кресстьянскія дѣти поютъ солнцу:

Солнышко, вѣдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросають;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюютъ.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне
умываются съ золопа, серебра и съ куриного
яица; изъ естественныхъ явленій выводятъ
разныя примѣты о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгна-
нiя зимы проявляетъ побѣду жизни надъ
смертію, такъ окликаніе весны и усоп-
шихъ знаменуешь *ладъ* человека съ природой,
которая возобновленіемъ своимъ призываетъ
его къ очищенію, напоминая смерть и вос-
кресеніе. Съ ешимъ празднествомъ языческа-
го происхожденія соединяются и за нимъ по-
слѣдуютъ другіе народные праздники и гу-
лянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особен-
но, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецъ*, или *Вью-
нитство*, *Радунца*, первое *Апрѣля* и первое
Мая, *Юрьевъ день*, *Свистопляска*, *Семикъ* и пр.

(21) Edda Saemundina, t. III.

1985²
52

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подѣ именемъ *Красной горки* разумѣетъ время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ епомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ *Оомина Воскресенья*, которое въ Восточной церкви называется *Ἀντίπαῦχα*, *иуриакῇ* той *Θωμᾶ*, *καινῇ* *иуриакῇ*, новое Воскресенье, въ Западной церкви *Dominica alba*, или *in albis*, бѣлое Воскресенье, *der weiße Sonntag*. С. Григорій Назіанзинъ къ етому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни бѣлымъ объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облакать новокрещенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* ведеть

(1) *Gregorii Naz. or. 42.* —

свое начало опѣ древняго вѣрованія и жишайскаго быта Рускаго народа. Не останавливаясь на хрістіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны*; съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію, *на красную горку*.

Какъ ешопъ праздникъ народный состоиптъ въ тѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ жишайскимъ и съ древними повѣрьями: по разсматривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка*.

Изкони горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естесственные предѣлы владѣній (*ѡрог* горы, *ѡрог* предѣлы) почипались священными и служили пребищами для языческихъ племенъ древняго міра, копорья, по словамъ С. Писанія, *серадиша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомѣ холмѣ висоцѣмѣ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла-

(2) III Царствѣ, гл. XIV. На Еврейск. *гора* *har*.

вянъ и Липовцевъ горы, горки, горицы, кру-
тицы (Góry święte, Kałnas) бывали мѣстами
богослуженій и мольбищъ, гдѣ стояли у нихъ
испуканы, приносились жерпвы, погребали-
лись умершіе, горѣли огни, необходимые для
пировъ жерпвенныхъ, совершались разные
обряды и игры. На горахъ оппращаемы
были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣ-
верныхъ народовъ находились горы суда
(Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію
Неспора, на холмѣ, оскверненномъ кровли, со-
оружена была церковь С. Василія. Объ епомъ
свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ
горъ въ Германіи, Польшѣ, Липвѣ и Россіи,
гдѣ замѣчается особенное въ Древности горо-
поклоненіе. Если принять справедливымъ мнѣ-
ніе нѣхъ писателей, копорые ушвержда-
ють, что Рускіе Славяне не имѣли храмовъ
и оппращали богослужебные свои обряды на
открытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою
вѣроятностію можно полагать, что холмы
и горы замѣняли у нихъ капища и пребища.
Таковы должны быть горы святыя, поклон-
ныя, лысыя, красныя, русыя, терныя,

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. Grimm. Götting.
1828, in 8. — Origines du droit français, cherchés dans
les symboles et formules du droit universel, par M. Mi-
chelet. Paris. 1837, in 8.

тервойныя, терныя, гремягя и т. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи; на красныя горки собираются духи мужескаго пола, а на лысыя женскаго. Наши мѣстныя Горыни поже, что Греческія Ореады. Въ Пруссіи долго вѣрили простолюдины, что сиреневое дерево служитъ пріютомъ дьяволовъ, коихъ называли красными людьми. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть Spielberg, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: испуканъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Отъ игръ, отправлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа игорною (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ Красныхъ горъ, кои на Нѣмецкомъ именуется красивыми, Schönberge. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не отъ Перуна ли?) krásná hora, а въ Венгріи мѣстечко и городъ krásná hora, по переводу Нѣмцевъ, Schönberg. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Руси есть горы, извѣстныя также подъ именемъ тервойныхъ (czerwona góra). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ красныхъ горъ, горокъ, холмовъ и красницъ, на

(4) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen; von H. Tschani. 2 Th. Znaim. 1827, in 8.

коихъ иногда попадаются и городища. Въ самой Москвѣ есть на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца на красной горкѣ. Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лавры слыветъ красною горкою, отъ коей верспахъ въ десяти, среди Бѣлухинской рощи и Воздвиженскаго есть мѣсто, называемое Бѣлые боги. Въ Спарицкомъ уѣздѣ на Красныхъ горахъ былъ упраздненный Красногорскій Никольскій монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе на Красной горкѣ (5). Во Владимірской Губ. находится Красногорская Болдырева пущынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. Красногорская жъ Лебедянская и Красногорская Романовская, въ Полтавской Г. Красногорская Чернуская пущыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верспахъ отъ Гадяча внизъ по теченію Псіюла, на Красной горѣ стоятъ Красногорскій Николаевскій монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши Красногорскій Золотоношскій монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

(5) Карамз. И. Г. Р. т. V, прим. 254.

(6) Исторія Россійской Іерархіи, ч. IV, М. 1812, чъ 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскимъ*, а потомъ, по очисткѣ лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскимъ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. острогъ называется *Красногорскимъ*; а въ Оренбургской Губерніи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ красновапаго ила, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыва вся еша гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сопка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называются *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губерніи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безъуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываетъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ торговъ или ярмарокъ бываютъ и слывутъ на красную горку. Въ Козельцѣ порги называются *красными*, изъ коихъ одинъ бываетъ на Красную горку, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Красномъ - Колядинѣ*, мѣ-

(7) Словарь географическій Россійскаго Государства, собран. А. Щекатовымъ. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *пунъ*; отсюда и *Пуныши*, на коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическія извѣстія на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8.

спечкѣ Прилуцкомѣ собираются при ярмарки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Черткова, *Красныя горы* (*monti rossi*) находящіяся и въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографическихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что прозваніе *горъ и холмовъ красными*, происходя отъ разныхъ причинъ, имѣетъ различное знаменованіе; но бѣльшая часть прозваній основана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго быта народнаго въ Славяно-Рускомѣ мѣрѣ, гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (*kra-sni*) принимается въ смыслѣ красивый, цвѣтущій, веселый, опрадный, опличаясь отъ *терминаго*, *тервоннаго*, алаго, багрянаго (*russus*) цвѣта, столь любимаго Рускими, у которыхъ *красный* принимается въ послѣднемъ смыслѣ. Въ Славянорусскихъ церковныхъ книгахъ *красный* выражаетъ то же, что Греческія слова: *ῥαῖος* цвѣтущій, веселый, *ἑυμορφος* благообразный, *ἑυεῖδης* миловидный, *περίβλεπτος* пресловутый, *ἑυπρεπής* (10) благолѣпный, *τερπνός* усладительный, опрадный. Самый звонъ отъ Оминой недѣли до недѣли всѣхъ Святыхъ по церквамъ (во всѣ

(10) Лексіконъ трехъязычный, сирѣчь реченій Славенскихъ, Еллиногреческихъ и Латинскихъ сокровище. Москва. 1704, въ 4. Псл. 44, 3. Красенъ добротою, *ῥαῖος κάλλει*.

колокола безъ большого) въ церковномъ успавѣ названъ *краснымъ*; церковь въ Московскомъ Кипаѣ С. Николая Чудотворца слыветъ *красный* *звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, *опъ* *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувствительныхъ и отвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Рускій называетъ поля, холмы, пруды, сѣла, дворы, ворота, окна *красными*, даже первыхъ дѣтей, дѣвицъ, день, жизнь, смерть, рѣкъ (*краснорѣчье*), *бѣсѣду* *красными*; что видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая весна и лѣто именуются *красными* по ясности погоды и приятности обоихъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ* и *лѣпотѣ* своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простыхъ цвѣтовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По таковому соображенію, *Красная горка* значитъ красивая по мѣстоположенію и веселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бывають. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ *Красной горки*, есть родъ хоровода, жирования и едва ли не происходитъ отъ Греческ. *γῦρος* кругъ и

гугаге кружишься. Вѣроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно - Руссовъ *горѣніемъ* огней и завѣшными обрядами особенно на горахъ потому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, собираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слышеть *Красною горкою*. Тоже встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ ешимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже.

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, вѣрованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горки производимо было отъ первой муравы красноваго цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ капаютъ яицы красныя, отъ родимельскихъ могилъ, на кои о Святой и Оминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (*mons Veneris*) въ женскомъ шлѣ, отъ красной или алой наволоки на брачной постелѣ и т. д. Но

подобные предметы едва ли могли сообщить названія споль многимъ урочищамъ въ Славяно-Рускомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памянникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, тѣмъ вѣрояннѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стоятъ св. храмы, засступавшіе, при переходѣ отъ Языческаго къ Хрістіанству, мѣста языческихъ пребищъ и мольбищъ. При томъ, не вездѣ *красныя горы* стоятъ на красивомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горы* издревле должны были мѣстами игрищъ, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горы или пригорки, на кои собираются поселяне весною, слывутъ *красными горками*. Какъ въ епомъ празднествѣ природы и человѣка смѣшивается время съ мѣстомъ: то и *Красная гора* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; впрочемъ названіе перенесено ко времени отъ мѣста, хотя первымъ украшается послѣднее. Сама природа открываетъ человѣку оцущительное сходство юности возраста человѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество всту-

пая въ брачный союзъ, *идетъ на гору*; самая беременность называется *горкою*.

Въ пѣсняхъ Красной горки повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана*, *Дада*. Ладу Липовцы величали *золотою*; она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба*. Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестъемъ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ*. У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня Llad (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви по же почти, что Римская Suada, Свада, покровительница *свадебъ*. Ладъ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горки; по етому *ладѣ* значить и супружеское согласіе, а *ладиться* въ областномъ нарѣчій — женишься. Дидъ или Дидисъ Липовское слово — великій, если не Греческое *δεδω* боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, страшными и шайнспвенными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прососѣяніе* на Красную горку доселѣ существуетъ въ Красной Руси: по съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Воспокъ

(11) On Anglo - Saxon laws and customs, in t. Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи опѣ Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и шамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславля-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Омино воскресенье, послѣ обѣда, и толпою хаживали по шѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Выюнѣ выюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жъ хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяты ходяшъ бѣсѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поюшъ: *Выюнѣ да выюница, давай, яицо; а не дашъ яица, придетѣ вѣтрица.* Тогда изъ каждого дома даюшъ окликальщикамъ по нѣскольку яицъ. Гдѣ же находяшся новобрачные, шамъ угощаюшъ ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бѣсѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходишъ до восьми и девяти, даже окликаюшъ мальчики лѣшъ пашъ своею бѣсѣдою. Собравъ яица съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируютъ. Это обыкновеніе называется *Выюнѣтствоуѣ*, вѣроятно, опѣ слова *юнѣй*. Въ Галичѣ, въ Омину недѣлю, слывущую у простолюднѣ *Радоницами*, гуляешъ народъ послѣ по-

(12) Историч. географ. и топограф. описаніе Переяславля-Залѣскаго, сочин. П. Плишкина. Москва, 1802, въ 12.

луночи и до свѣшу, распѣвая подѣ окномъ:
Юница, молодица, подай яицо въ перепету!
 Тогда молодые подчуютъ ребятъ водкой и
 пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвицъ
 пряниками и красными яйцами.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ Оомино Воскре-
 сенье дѣвки и женщины въ праурномъ плащѣ
 (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на
 кладбище съ разнымъ кушаньемъ и пишь-
 емъ кланяясь покойнымъ родспвенникамъ,
 плачутъ съ причипаніями, капаютъ яицы
 на ихъ могилахъ и пономъ ѣдятъ и пьютъ,
 выливая остатки вина на могилы. Послѣ
 переодѣвшись дома въ праздничное платье,
 идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки
 извѣстно во всей Россіи *Сѣяніе прѣса*. Епо-
 драматическое представленіе произошло изъ
 быша земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, пи-
 шавшихся, по свидѣтельству Маврикія, еще
 въ VI вѣкѣ ешимъ жипомъ (13). На игри-
 ще собираются въ деревняхъ подѣ вечерокъ
 красныя дѣвицы и добрые молодцы на лугъ
 или на улицу, сначала отдѣльно одни опѣ
 другихъ, потомъ соединяются въ одну кучу;
 тогда являеіся *хороводница*, или всеобщая

(13) Карамз. И. Г. Р. т. I, прим. 8, 145, 159.

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ
ликоначальница], безъ которой ничего не
дѣлается въ играхъ , и запѣваетъ :

Какъ на улицѣ дождикъ .накрапываетъ ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ .
Охъ , вы , дѣвушки , поиграйте !
Ужъ вы , холостые , не глядите !
Вамъ гляденьцемъ дѣвушекъ не взять ,
Ужъ какъ взять ли , не взять ли по любви ,
Что по батюшкину повелѣнью ,
По матушкину благословенью .

Играющіе расходятся на двѣ стороны ,
одна пропивъ другой ; хороводница спойтъ
впереди первой половины :

1 половина : А мы просо сѣяли ,
Ой Дидъ - Ладо сѣяли .

2 половина : А мы просо вышопчемъ ,
Ой Дидъ - Ладо вышопчемъ .

1 половина : А чѣмъ же вамъ вышоптать ?
Ой Дидъ - Ладо , вышоптать ?

2 половина : А мы коней выпустимъ ,
Ой Дидъ - Ладо , выпустимъ .

1 половина : А мы коней переймемъ ,
Ой Дидъ - Ладо , переймемъ .

2 половина : А чѣмъ же вамъ перенять ?
Ой Дидъ - Ладо перенять ?

1 половина : Шелковымъ мы поводомъ ,
Ой Дидъ - Ладо , поводомъ .

2 половина : А мы коней выкупимъ ,
Ой Дидъ - Ладо , выкупимъ.

1 половина : А чѣмъ же вамъ выкупить ?
Ой Дидъ - Ладо выкупить.

2 половина : А мы дадимъ сто рублей,
Ой Дидъ - Ладо сто рублей.

1 половина : Не надо намъ тысячи (14),
Ой Дидъ - Ладо , тысячи.

2 половина : А что же вамъ надобно ?
Ой Дидъ - Ладо , надобно.

1 половина : Намъ надобно дѣвицу.
Ой Дидъ - Ладо , дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходить дѣвушка въ первую.

2 половина : Нашего полку убыло,
Ой Дидъ - Ладо , убыло.

1 половина : Нашего полку прибыло,
Ой Дидъ - Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до тѣхъ поръ , пока всѣ дѣвушки изъ

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округъ :

2. А мы дадимъ денежку.

1. Не надо намъ денежки.

2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и деньги могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдутъ въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣстѣ припѣва *Ой Дидѣ Ладо*, поютъ:

Ой Диди калинка моя,
Ой Ладо малинка моя!

какъ бы означая калиною горечь перваго, а малиною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали ешу пѣсню:

А мы копань копали.
Зеленая правушка; алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поютъ ешу пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2

Та владу ладомъ орали.

2. А ми просо сияли, 2

Та владу ладомъ сияли.

1. А ми сшадо запусшимъ, 2

Та владу ладомъ запусшимъ.

2. А ми сшадо займемо, 2

Та владу ладомъ займемо.

1. А ми сшадо выкупимъ, 2

Та владу ладомъ выкупимъ.

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *Н. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровымъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

2. А что дастъ выкупки, 3
Та владу ладомъ, выкупки.

1. А ми дали сто рублей, 2
Та владу ладомъ, сто рублей.

2. А ми тысячи ни беремъ, 2
Та владу ладомъ, не беремъ.

1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладомъ, придамо.

2. Ми дивочку примемо, 2
Та владу ладомъ, примемо.

1. А у насъ спадо прибыло, 2
Та владу ладомъ, прибыло.

2. А у насъ спадо отбыло, 2
Та владу ладомъ, отбыло.

Еще Великорусская игра и пѣсня существующъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поютъ ее такъ :

А my proso sijaly, sijaly,

Oj Did, Lada, sijaly, sijaly !

А my proso wydopczem, wydopczem,

Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem !

Ta czymże wam wydoptat', wydoptat' ?

Oj Did, Lada, wydoptat', wydoptat' ?

А my koni wypustym, wypustym,

Oj Did, Lada, wypustym, wypustym !

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, zebral
wydal Wazlaw Oleska, we Lwowie. 1833, in 8.

A my koni perejmem, perejmem,
 Oj Did, Lada, perejmem, perejmem!
 Ta czymże wam perejniať, perejniať?
 Oj Did, Lada, perejniať, perejniať!
 Oj szelkowym newodom, newodom,
 Oj Did, Lada, newodom, newodom.
 A my koni wykupym, wykupym,
 Oj Did, Lada, wykupym, wykupym
 Ta czymże wam wykupyt', wykupyt',
 Oj Did, Lada, wykupyt', wykupyt',
 A my damo sto rubli, sto rubli,
 Oj Did, Lada, sto rubli, sto rubli!
 Ne nado nam tysiaczy, tysiaczy,
 Oj Did, Lada, tysiaczy, tysiaczy!
 A my damo diwyciu, diwyciu,
 Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu!,
 Oj toto nam nadobno, nadobno,
 Oj Did, Lado, nadobno, nadobno!

Хоровая и антифоническая сія пѣсня по-
 хожа на древнія Греческія, сопровождавшія
χοροι и υμνοι. Игра еѣ поэтическая и вмѣстѣ
 воинственна, мимическое представленіе изъ
 жизни народа земледѣльческаго и воинствен-
 наго — набѣга, похищенія и выкупа невѣстъ.
 Она сходствуетъ съ Сербскою *оплицею*
 и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца,
 который повѣствуетъ, что у Радимичей,
 Вяпичей и Сѣверянъ, обищателей нашего
 Сѣвера, въ Язычествѣ „брацы не бываху въ

„нихъ, но игрища, межи стѣлъ и пу слѣгахуса
 „рищуце на плясанія и на вся бѣсовскія пѣ-
 „сни, и пу умыкаху жены себѣ, съ нею же
 „кпо прежде свѣщевашесь (18).“ Самые при-
 пѣвы *Дидѣ, Ладѣ, Леля*, наводящъ насъ на
 слѣды Славянскихъ мѣровъ. У древнихъ Гре-
 ковъ также, при хоровожденіи въ празднества
 вокругъ алтарей, были припѣвы: *αἰ, αἰ ἑλε-
 λεῦ, ἀλαλά* (19), похожія на наши *ай люли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсенъ,
 сопровождаемыхъ разными мимическими пред-
 ставленіями, кромѣ сѣянія проса употребле-
 тельны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу сто-
 ронку и пр.

2. Сидитъ дрема подъ окошкомъ,
 Прядетъ дрема шелковъ кужель;
 Полно, дремушка, дремати,
 Шелковъ кужель драсти и пр.

Одна дѣвка сидитъ въ кругу, представ-
 ляя сонливую, лѣнивую, а прочія ходящъ во-
 кругъ нея и поютъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
 Кручина велика и проч.

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle.
 1829. 3 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. Княземъ М. Оболен-
 скимъ. М. 1836, въ 4.

Поюпть всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходяпть въ хороводъ; одна при-
 торюнясь, представляетъ лице жены, а дру-
 гая мужа старика. Когда запоютъ: „охъ!
 „какъ мнѣ старого цѣловать будетъ“? то-
 гда жена цѣлуетъ съ негодованіемъ и плюетъ
 на старика. Когда запоютъ: „охъ! какъ мнѣ
 „старого на постелю класпъ?“ жена шол-
 каетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ
 старого препатъ“; жена бьетъ его.

4. Посѣяла дѣвка лень,

Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ плашкомъ въ рукѣ ходишть въ
 кругу, дѣлая видъ, что свѣетъ, а прочія
 поютъ, стоя на одномъ мѣстѣ:

5. Заинька, бѣлинькой!

Я хожу, хожу

Вкругъ Кіева города,

Ищу тещя богатаго и пр.

Тогда дѣвки стоя поютъ, одна изъ нихъ
 ходишть въ хороводъ, какъ будто ищетъ
 тещя и пещи и пр. Когдажъ найдетъ
 себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоютъ: я
 пропивши пиво, тещя въ рыло; тогда она
 слегка бьетъ одну дѣвку въ видѣ тещя, а
 въ лицѣ пещи бьетъ другую по шеѣ, если за-
 поютъ: проѣвши пироги, тещу по шеѣ и т. д.

6. Пава по лугу гуляла,
Пава гусей загоняла,
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой и т. д.

Двѣ дѣвки спанушъ въ довольномъ разстояніи одна опъ другой, держа высоко платокъ въ рукахъ, а прочія подъ плашкомъ проходятъ поодиначкѣ.

7. Какъ утіона чрезъ море летала,
Одна дѣвка, дѣлая разныя тѣлодвиженія, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ темнымъ
Шелкова трава;
Ходилъ, гулялъ Донской козакъ,
Глядѣлъ, смотрѣлъ невѣсть себѣ и пр.

или

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое на свиданье и т. д.

Дѣвка съ разными тѣлодвиженіями пляшетъ съ мущиною, а прочія споя на одномъ мѣстѣ, поютъ.

Сходбище — сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для

работей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ,
къ нимъ собираются *прибылые*, и начинаютъ
игру Сходбище. Въ средину круга стано-
вятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ
кругомъ ихъ и поютъ :

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица,
Поблизехоньку сходилися,
Понизехоньку поклонилися.

Да что возговоришь доброй молодецъ :
Ты здорово-ль живешь , красная дѣвица ?
Я здорова живу , миль сердечной другъ ;
Каково ты жиль безъ меня одинъ ?

Мы давно съ тобой не видалися ,
Говоришь дѣвка улыбаючись ,
Что съ той поры , какъ разсталися.

Говоришь ей доброй молодецъ :
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина ,
За другой возьмемъ меду сладкова ,
А за третей возьмемъ пива пьянова ,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.

Какъ возговоришь красна дѣвица :
Я неиду гулять на царевъ кабакъ :
Я боюсь , боюсь роднова батюшки ,
Я боюсь родной мапюшки.

Тутъ разсталися и прощалися ,
Промежду себя цѣловалися.

Ты прости , прости доброй молодецъ ,

Ты прости , миль сердечной другъ!
 Да что возговорить доброй молодець :
 Ты прости , прости , моя мапушка ,
 Ты прости , радость красна дѣвица ! —

Въ игрѣ *Плеть* молодежи , дѣвушки и
 мужчины спановятся попарно , и , сомкнув-
 шись руками въ видѣ плетня , выпягива-
 ются въ линію. Хороводница запѣваетъ :

Заплетися, плетень, заплетися!
 Ты завейся, труба золотая!
 Завернися, камка кружчатая!
 Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
 Тига упушка домой!
 Тига сѣрая домой!
 Я сама гуськомъ,
 Сама сѣренькимъ.
 Ой свѣтъ, сѣра ушица!
 Попопила малыхъ дѣшушекъ
 И въ меду и въ сахаръ
 И въ яшвъ сахорномъ.
 Я старымъ старикамъ
 Киселя съ молокомъ;
 Молодымъ молодкамъ
 Шелковую плешку,
 А краснымъ дѣвицамъ
 Бѣлилъ да румянь.

**Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ
вверхъ соединенныя руки, подъ ету арку
начинають проходить игроки. Хоръ поетъ :**

Расплетися , плетень , расплетися ;
Ты развейся труба золошая ;
Ты развернися, камка кружчатая !
Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
Тига ушуска домой !
Тига сѣрая домой !
Я сама гуськомъ ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣшь , сѣра утица !
Вынимала малыхъ дѣшушекъ ,
Изъ меду , изъ сахару ,
Изъ яствъ сахорныхъ.

**Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое
представленіе , припоминающее намъ слѣды
древности и извѣстное мимическое сказаніе
народа, который почитаетъ *Донъ* и *Шамъ*
дѣтьми *Ивана-Озера*. *Донъ*, имѣя свою народ-
ную *Исторію*, свое родство съ сестрою *Вол-*
гою — по повѣрьямъ *Велико-Рускимъ* — (20)
выразился еще одною игрою въ хороводной
пѣснѣ. Вечеромъ игроки сходяшся вмѣстѣ**

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, Думу *Иванъ-Озеро*. Въ дру-
гихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поютъ — *Дунай*.

и спановятся въ кружокъ, а хороводникъ въ
среди́нѣ, изображая собою Дона Ивановича,
дѣлае́тъ разныя движенія, сообразныя содер-
жанію пѣсни :

Какъ пошелъ нашъ молодецъ

Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ахъ! какъ звали молодца,

Позывали удалца.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ пировать :

Во бѣсѣдушку сидѣть,

На игрище поиграшь.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,

Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу

Мало можется,

Мало можется,

Играшь хочется.

Иль я выйду молодецъ

На свой новой на крылецъ,

Закричу я молодецъ

Громкимъ голосомъ своимъ :

Ахъ! какъ ешъли-ли у меня

Слуги вѣрные мои!

Вы берите ключи,

Ошмыкайте сундуки.

Вынимайте кафшанъ,
 Рудожелтъ камчашъ,
 Вынимайте шапку,
 Черную мурмашку (21);
 Вы подайте гусли,
 Звончашые мои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ пошелъ нашъ молодець
 Ко вдовушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Какъ садился молодець,
 Какъ садился удалецъ
 Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ это время игроки останавливаясь,
 хороводникъ садился съ балалайкою въ рукахъ.
 Игроки споятъ пропивъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
 Заигралъ во звончашые свои.
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ!
 Молодецъ вдовѣ челомъ,
 Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ эту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе начинается съ стиха: „Ужъ какъ „мнѣ ли молодцу“ и продолжается до „Звончашые мои.“

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ въ это время кланяется,
съ него спадаетъ шляпа , а игроки поютъ :

Ужъ ты , вдовушка моя ,
Молодая вдова ,
Подними шапку мурмашку !

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Сынъ Ивановичъ Донъ !
Не твоя , сударь , слуга ,
Я не слушаю тебя .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ вспааетъ , надѣваетъ шляпу,
а игроки , ходя кругомъ его , поютъ :

Какъ пошелъ нашъ молодець ,
Вдоль улицы на конецъ .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Ахъ ! какъ звали молодца ,
Позывали удалца ,

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Какъ во пиръ пировать ,
Во бѣсѣдушку сидѣть ,
На игрище поиграть .

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодецъ;
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Въ это время игроки останавливаются,
хороводникъ садится. Игроки стоятъ про-
тивъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончашые свои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уровиль шапку долой.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Я швоя, сударь, слуга,
 Я послушаюсь тебя.
 Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
 Сынъ Ивановичъ Донъ.

Въ епо время выходитъ дѣвушка изъ
 круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ,
 принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ
 дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ среды или чепверга Свя-
 той недѣли и до Троицы въ Бузулукъ, уѣздн.
 городъ Оренб. Г. продолжаются каждый ве-
 черъ хороводы: дѣвки и молодыя женщины
 поютъ пѣсни, а молодцы подыгрываютъ на
 дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ
 своими шутками. Тогда особенно поютъ
 одну изъ весеннихъ пѣсенъ, носящую на
 себѣ явный оппечашокъ древности:

Подойду, подойду,
 Подъ Царь - городъ подойду,
 Вышибу, вышибу,
 Копьемъ спѣну, вышибу!
 Выкачу, выкачу,
 Съ казной бочку, выкачу!
 Подарю, подарю,
 Люшу - свекру бапюшкѣ!
 Будь добръ, будь добръ —

Какъ родимый батюшка!
 Подойду, подойду
 Подъ Царь - городъ, подойду!
 Вышибу, вышибу
 Копьемъ стѣну, вышибу!
 Вынесу, вынесу,
 Лисью шубу, вынесу!
 Подарю, подарю
 Люту - свекровь матушку!
 Будь добра, будь добра —
 Какъ родима матушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинается и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (risus Paschales) для того, чѣобы въ святыя дни умы Хрістіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердца исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя слова уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голосъ отличаетъ какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византію, Царь-градомъ, а не Царевымъ градомъ, по превосходству сего города надъ всѣми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. Zaargardia есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНИЦА.

Радуница, или Радунецъ, или Радавица есть собственно опрадный праздникъ заупокойный, копорый совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Коспромской Губ. Омино Воскресенье слыветъ *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Оминъ понедѣльникъ, а болѣе въпорникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наской* (Навской?) и *Навій день*: что значить мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Липовскомъ *navie* — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Оминъ понедѣльникъ именуется *Могилками*, *Гробками*, *Проводими*, а въ Махновскомъ повѣсть Кіевской Г. *Бабскимъ праздникомъ*, вѣроятно по тому, что на немъ бывающъ однѣ женщины.

(1) Въ просторѣчій человѣческая кость, на коей образуется наростъ, или бугоръ, назыв: *навья*. На Болгарскомъ *навиваль* знач. побѣдилъ, умеривилъ. — ср. *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По етому она опчаснѣ сходствуетъ съ *Тризною* и *Справою* Славянъ - Рускихъ и Божіими днями Есповъ. Радунѣца въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мнѣнію народному, они радуются, если ихъ поминаютъ и приходятъ съ ними христосоваться. „Радунѣцею — замѣчаетъ Карамзинъ — назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ (2).“ Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ прежнія времена — свидѣтельствуетъ сочинитель Церковнаго Словаря въ 1773 году — въ Радунѣцы бывало между простонародіемъ обыкновеніе поминатъ умершихъ сродниковъ, съ языческими обрядами, и поминавшій приносилъ на ихъ могилу вино, сыченое пиво, пироги, блины, и по опправленіи священникомъ липіи, взявъ чарку съ виномъ, или спаканъ съ пивомъ, отливалъ часть на его могилу, а остатки самъ допивалъ; женщины въ это время плачевнымъ голосомъ приносили добродѣтели покойника. Въ такой же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ опдаленныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у простолудиновъ суевѣрное христосованье съ покойниками въ Свѣплую седмицу, ш. е. мущина или женщина приходили на могилу

(2) Карамз. И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

, умершаго, и покапя по оной краснымъ лицомъ, „говорили: *Хрістоꙋ воскресе*, думая, что усопшій опвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну воскресе* (3).“ Въ Паперикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1463 г. тѣлеса усопшихъ святыхъ опвѣстивовали на возгласъ священноинока въ Великъ день.

Воспоминаніе объ епомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищъ.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1372 г. упоминается, что „Липва и Ляхи и Жемоть придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на заупріе по *Радоницѣ*.“ Въ Кіевской Л. подъ 1493 г. „Тояже весны на Радуніцу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нупрѣ весь и казна у Чуда въ монастырѣ.“ Въ 1493 г. Пасха была Апрѣля 7го, слѣдственно 16го числа погожѣ мѣсяца пришлось во вторникѣ на Ооминой недѣлѣ (4). Въ Споглавѣ осуждаются тѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. Л. Алексѣевымъ. ч. 5. СПб. 1818, въ 8.

(4) Карамз. И. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклитки на Радуницы творятъ — и вьюнецъ. Въ простонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ наипѣкѣ слѣдующее:

Зяшь ли про тещу пивца варилъ,
Пива наварилъ, да ко Масляницѣ;
Зваль ли тещу ко Радуницѣ,
А теща пришла на канунъ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ: *Выпили пиво обѣ Масляницѣ, а съ похлѣбля ломало послѣ Радуницы.*

О Радуницѣ напоминаютъ на Троицкой дорогѣ бывшій городокъ *Радонецъ*, или *Радонезъ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонезскаго*; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствовалъ свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пятинѣ было урочище *Радуница*, и *Radonice* въ Варшавскомъ округѣ, и ш. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи донынѣ сохраняется обычай поминать родителей на Оминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно - Предпечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи паннихиды, гулянье

въ сосновой рошѣ, выросшей на памошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ это же время множество народа собирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и тамъ также сперва поминаютъ усопшихъ, а потомъ гуляютъ и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни идутъ прихожане на горы, на коихъ тамъ стоятъ кладбищенскія церкви: похристосоваться со своими и погоревать. Въ Кіевѣ извѣстна Радуница подъ именемъ *Проводовъ*, копорые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ тѣла многихъ святыхъ воспаша и, по воскресеніи Его, внидоша во святыи градъ: тогда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ праздника сопровождали до гробовъ гражданъ.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ опноситъ можно не далѣе временъ Петра Могилы: когда нѣкоторые церковные обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полвѣка назадъ тому на Скавицу (или гору Щекавицу) собирались для поминовенія родителей почепнѣйшіе Кіе-

(5) Съверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Новѣйшее повѣствованіе о Восточной Сибири, СПб. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Паннихідныя ліпшій опсправляемы были священниками надъ каждою могилой, попомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ шѣмъ кушаньемъ и пипьемъ, какое съ собою приносило. Между шѣмъ школьники напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При томъ угощаемы были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне собираются во вторникъ на Оминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они катаютъ красныя яйца на могилкахъ у родныхъ и попомъ опдаютъ ихъ нищимъ, которые шуда сходяпся во множествѣ. Напослѣдокъ, родительская могила, политая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ сполешникомъ — ставипся кушанье нечетное и нежидкое; ибо епомъ *вторникъ* слыветъ *сухимъ*. Кпожъ не въ состояніи почпишъ памяпи родителей своихъ задушевною прапезой, тому при семъ случаѣ помогаютъ богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣпствие: *Святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣба - соли кушаць!* старые и малые садятся на могилахъ за прапезу. По окончаніи пиршества, опять обращаются къ усопшимъ съ такими словами: *Мои родзицели, выбатайте, не дзивицесь, тѣмъ хата богата, тѣмъ и рада!* —

Послѣ епого, поминальцики раздають оспатки кушанья нищимъ, идутъ въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную пословицу: *нагинаютъ за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радуница также состоишь въ причинаніи на могилахъ родительскихъ, въ пиршествѣ и капаніи красныхъ яицъ. Въ Великой Россіи ведется почти повсемѣстный обычай между простолюдинами, сбираться во въпорникъ Ооминой недѣли для поминовеія на могилы родительскія и привѣспивованъ усопшихъ опраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ епо жѣ время, извѣстное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣспы, доселѣ ходятъ на кладбища проситъ совѣта и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладутъ на ихъ могилы яйца, кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилоспивительныя жертвы объ усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священные для сердца человѣческаго, обращающія въ жертвенники благоговѣнія къ мертвымъ и благопворенія живымъ.

(7) *Lud Polski p. L. Golebiowskiego. Warsz. 1830, in 8.*

(8) *Luciani dialogi mort. I. 1. — Juvenal. sat. V. v. 84.*

Происхожденія сего торжественнаго и древняго обычая должно искать въ колыбели Хрістіанства на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычествомъ и прошивопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочестивыя свои установленія, кои принимая народъ, не могъ не примѣшать къ нимъ первыхъ. Радуница упоминаемая въ письменныхъ памятникахъ, не ранѣе XIV вѣка, есть остатокъ *тризны*, о какой такъ упоминаетъ и Левъ Калойскій: „Рускіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ Грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ.“ Самое названіе Радуницы есть народное, а не церковное, хотя, по существу своему, она, подобно Семицкому чепвершку и Троицкой субботѣ, принадлежитъ къ хрістіанскимъ обрядамъ. Чпожъ касается до осуждаемыхъ *Споглавомъ оклихекъ на Радуницы*: то онѣ не что иное должны быть, какъ *прититанья*, кои встрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радуницкимъ *гореваньемъ*.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай обманывать въ первое Апрѣля существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востокѣ. Онъ, какъ увидимъ, производилъ отъ разныхъ началъ, которыхъ слѣдствія приводя къ одному дѣйствию въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе остроумнымъ; онъ обыкновенно оканчивался ешимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали ешотъ обычай, прежде бывшій въ общемъ употребленіи и, по существу своему, противный нравственности, а по произхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ*.

Начало обычая обманывать въ первое Апрѣля, подобно многимъ другимъ, теряется во тѣмъ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племенъ міра, опіъ коихъ перешелъ и къ новѣйшимъ съ мѣстными особенностями.

Индійцы около весенняго равноденствія, по древнему лѣтосчисленію Ведъ, который приходится въ Апрѣль, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Сипы, или Шивы. На епомъ праздникѣ, извѣстномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія представленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали шѣмъ самымъ; умилошвили свое божество (1).

У Іудеевъ источникомъ ешого обычая полагается лживая молва, распущенная по воскресеніи Хрістовомъ, будто тѣло Искупишеля ночью похищено было изъ гроба учениками Его, какъ свидѣтельспивуетъ *Матѣ. XXVIII, 13.* „Тогда Евреи, замѣчаютъ сочишитель Церковнаго Словаря, научили народъ и воиновъ обманывать въ шутку, говоря одинъ: *Хрітосѣ* воскресе, а другой въ опивѣтъ: *первое* *Апрѣля*, т. е. неправда“ (2). Можесть спаться, первое Апрѣля пошому избрано для такой нечесливой шутки, что въ епомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходится въ шеченіи каждыхъ 25 лѣтъ, и что восшоминаніе

(1) *Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde*, par I. A. Dubois. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *Н. Алекспева*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

объ епомъ соспоиптъ въ связи съ событіями изъ земной жизни Искупишеля міра.

Толковашель Л. Апулея Бироалдъ производить первоапрѣльскій обманъ отъ Римскаго праздника въ честь божества Смѣха (Risus); епо торжество, совершавшееся тогда, когда дни становились длиннѣе, сопровождалось разными смѣхотворными обманами. „Игры сіи — говоришь Апулей — ежегодно нами отправляемыя въ честь Смѣха, всегда опличаются какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилоспивляемъ забавами, весельями и шутками божество, именуемое Смѣхомъ“ (3).

Исландскія саги гласятъ, что обычай обманыванья въ первое Апрѣля введенъ самими Азами, т. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Онъ доселѣ существуетъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ); обманушый въ епомъ день — Aprilfool, а у Шотландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называется *Апрѣльскойю рыбою* (poisson d'Avril),

(3) L. *Apuleii* *Metamorphoseon*. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 3 t. in 4.

(4) *Edda Saemundina* t. III.

что въ переносномъ смыслѣ значить невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ епошъ же самый день ускользнулъ изъ темницъ Людовика XIII въ Нанси Лотарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку какъ рыба и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльской рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почитаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion спраданіе; что будто относится къ спраданіямъ І. Хріста (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылаютъ мальчика или другого кого съ пѣмъ, чтобы попросить или поспомотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; епо называется у нихъ: *in den April schicken*, послаютъ кого въ Апрѣль, т. е. сыграютъ надъ кѣмъ шушку, проведи кого, а проведенный такимъ образомъ въ епошъ день именуется *Aprilnarr*. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ происшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажется вѣроподобнымъ мнѣніе пѣхъ, которые почитаютъ епу шушку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) *Encyclopedie des gens du monde*, t. I. à Paris. 1833, in 8.

Хріста, который приводимъ былъ опъ Каіафы къ Пілапу, а опъ Пілапа къ Ироду; что дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: *jemanden vom Pilatus zum Herodes schicken*, *renvoyer d'Herode à Pilate*, посылать кого понапрасну (6).

Епного обыкновенія доселѣ держатся почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ также *poslati koho s Aprilem*. Оно извѣстно въ Польшѣ и Липвѣ подъ именемъ *Primaprilis*, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрѣль у первыхъ, судя по климату, называется то *Березозалеми*, то *Цвѣтенеми*, то *Duben*. Епъ даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу опъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли почтеннѣйшія свѣденія о религіозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія вѣры Хрістіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) *Conversations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipz. 1822, in 12.*

(7) *Gry i zabawy różnych stanów etc. p. L. Gołębiowskiégo. w Warchawie. 1831, in 8.*

ну, къ какимъ временамъ относится епо обыкновеніе. Какъ начала первоапрѣльской шушки должно болѣе искать въ языческихъ суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: то едва ли можно предполагать для него новое основаніе въ Хрістіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи спанови́лся исторически извѣстнымъ со временъ Петра I, и, по всему вѣроятію, введенъ Нѣмцами, жившими въ Россіи, между которыми должно предполагать и прежде еще существованіе епого народнаго обычая. Въ 1700 г. содержатель труппы Нѣмецкихъ комедіантовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день самаго представленія влезетъ въ обыкновенную столовую бутылку. На сценѣ явилась бутылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8). Первоапрѣльскія шушки сперва распространились въ знатномъ кругу, а потомъ уже въ нижнихъ слояхъ общества; но въ крестьянскомъ быту, вдали отъ столицъ онѣ не извѣстны. Преданіе старожиловъ свидѣтельствуетъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и гаеры о Святой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ слыло мѣсто Новинскаго гулянья) показывали народу за деньги райки и выкидывали перво-

(8) Дѣянія Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва, 1837, въ 8.

апрѣльскія шутки, приглашая смотрѣть словомъ *Rufen*, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донынѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Извѣстно также, что въ первое Апрѣля позволялись шутки при Дворѣ Императрицы Анны Ивановны и Елисаветы Петровны.

Такъ ешотъ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, къ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непостоянная *погода* въ Апрѣлѣ, у Рускихъ въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльскойю*, такъ какъ у Нѣмцевъ *Aprilwetter*, а *Aprilglück*, переменчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шутками встрѣчать возвращающуюся весну.

У.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свистопляску Вятчане ежегодно празднуютъ въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда собирается множество народа, по большей части, простаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Устюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь противъ Тапаръ, побили союзниковъ девять тысячъ подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Анѳала, и сына его Нестора. На разсвѣтъ только дня Вятчане узнали свою ошибку. По этому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вятскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, т. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убіенныхъ обратилось въ гульбище: оно находится на горѣ Раздерихѣ, близъ присущивенныхъ мѣстъ, надъ рвомъ рѣки Вяпки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вяпчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свислопляски, послѣ обѣдни, поюшся общія панихиды по убіенныхъ Устюжанамъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѣалу, предводителю Устюжскому, Нестору сыну его, Стефану, Ѳеодору, двумъ Матѣіямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Панкратію, Исааку.“ Въ етой часовнѣ стойтъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1593 года, при Благовѣрномъ Царѣ Великому Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и при Московскомъ и Всероссійскомъ Патріархѣ Іовѣ (2).*

Во время Свислопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляющіяся шатры, продаются особенныя, дѣлаемыя къ етому дню и случаю, глиняныя

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарики и разныя лакомства. Тамъ тогда ребяташки играютъ въ куклы, безпрестанно свистящъ, приплясывая, или спановясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросають другъ въ друга глиняными шариками, будучи въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же есть простонародное выраженіе промаха. Между тѣмъ вплоть до вечера продолжается гулянье Вяпчанъ; тамъ поютъ пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балалаекъ.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день есть праздникъ земледѣльцевъ и паспуховъ, у Рускихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклипіана, почищается покровителемъ земледѣлія, спадъ и паспуховъ, по самому значенію его имени и по тому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ паспуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также низложеніемъ, въ Ливійскихъ странахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ странахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаетъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

(1) Дни богослуженные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. Дебольскаго. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ осѣнивъ его чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Манскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣздился въ спѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій припащивъ на епитрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о сраже-

(2.) Antichità Romantica d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

ни Дидриха съ дракономъ (Dieterichs Drachenkampf): она содержитъ въ себѣ описаніе битвы Бернскаго Дидриха съ дракономъ, котораго онъ убиваетъ для спасенія дѣвицы. Колларъ, въ собраніи Чермнорускихъ пѣсень, приводитъ Старославенскую легенду о Swatém Girj, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы; она оканчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
A drak satana, zleho nepritele,
Panna cirkew swatù znamena,
Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданіе, укоренившееся у столь многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго начала сему вѣрованію. Слова С. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъясняетъ совершенную радость объ истребленіи Язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь возстановлена свобода, и промысломъ всемогущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ драконъ (3).“ Драконъ означаетъ геній Язычества: отсюда и сокрушеніе такого страш-

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически представляло Хрістіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, торжество Опкровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе къ Св. Побѣдоносцу распространилось во всемъ Хрістіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Рускихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англическихъ и Рускихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо горы въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣстье и замокъ; въ Тиролѣ Zergenberg; подлѣ рѣки Тунегі Юрьева гора. Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человѣкѣ, заимствованная опъ Егорьевской горы близъ города: Онѣ сытъ какѣ Егорьева гора. см. выше Красная горка.

Имя Георгій, опъ Греч. γεωργός и γεωργιος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jörgen, Iögan, Gögan, у Нѣмцевъ въ простонародномъ языкѣ Iürgen, котораго они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Языческаго. У Рускихъ издревле, вмѣсто Георгій, употреблялось Юрій, Гюргій и Гюрги, вѣроятно отъ Греческаго народнаго Γοῦργος и Γιοῦργάτης, или отъ Нѣмецкаго Zürgen. У Малороссіянъ это имя выражается по просторѣчю Юрко.

Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, который сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Епосъ святой випязъ являясь облеченнымъ мѣтами народными, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Святювида, которому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрістіанству, нѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеемъ и другими героями Языческаго. Сувѣріе жителей Скандинавіи приписало С. Георгію такіа качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрістіанская, по свидѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли: опъ етого встрѣчае-
ся у разныхъ народовъ множество повѣрьевъ
и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды,
ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почитаемый по-
кровителемъ земледѣльцевъ и пастуховъ,
открываетъ паспущескій годъ и празднует-
ся семейнымъ пиршествомъ, на коемъ обык-
новенно съѣдается первенецъ стада. Сами
Турки имѣють глубокое уваженіе къ сему
святому, котораго называютъ Djirjis; Сул-
танскимъ указомъ строго запрещено упо-
треблять въ пищу ягнятъ прежде Юрьева
дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія прихо-
дится въ то самое время, когда у многихъ
изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе
торжеспиовать наступленіе лѣтняго пері-
ода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и
Финляндіи простолюдины почитаютъ ето
день за великое празднество, опправляемое
у нихъ съ чрезвычайною радостью и съ раз-
личными языческими обрядами. Въ ето вре-
мя мужчины, предаваясь пьянству, поютъ
пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліанія моло-
комъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревъ. Въ
Скандинавіи часто встрѣчается живописное

(5) Pouqueville voyage dans la Grèce. V tomes. à Paris,
1820, in 8.

и ваятельное изображеніе С. Георгія, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повторяется сказаніе о его подвигѣ. На островѣ Фіоніи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, С. Побѣдоносецъ сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обогренное кровью чудовища, ничего не произрастаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змія С. Георгію произошла поговорка: *Rendre les armes à Saint Georges*, возвратити оружіе С. Георгію.

Въ Сербіи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденія солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россіи, выгоняютъ въ поле скопину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрјева дни*; а въ пѣсняхъ двѣица такъ призываютъ епопъ день: „О праздникъ С. Георгія, приди и найди меня „за мужемъ!“ (7). Мадыары называютъ и Апрѣль, въ коемъ приходится онъ, *Szent György hava*.

Въ Булгаріи имѣютъ обычай въ день С. Георгія закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровію его

(6) *Müh's Sinnenland u. seine Bewohner*. Leipz. 1809, in 8, p. 306.

(7) *Poésie populaire des nations Slaves* въ *Revue britan.* Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣлѣй своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланипахъ и бородѣ. Зажаривъ епсого барашка, собираются всѣ домашніе и холоспая родня, призываютъ священника, который надъ нимъ читаетъ молитву и благословляетъ: попу отдается шкурка и лопатка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: то собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ епсѣ же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарится такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Општоманской Имперіи. На всемъ Востокѣ, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ паспуховъ, въ Черной Руси *обѣдная*, когда святятъ хлѣбъ. Епсѣ поржесство сопровождается конскими ристаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ на *Юрьеву росу* (9); тамъ

(8) Путешествіе изъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрьева дни до Михайлова въ Тюрингенѣ запираются луга, въ силу сѣннаго права (*Heurecht*), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значить выздоровѣть больному челоуку: тогда па-спухи получають по десятку яицъ, по кувшину молока и гоповяють себѣ въ полѣ яичню. По выгонѣ скопа на Юрьеву росу, хозяинъ уже не заботится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скопины, порученной покровительству С. Георгія. По тамошней поговоркѣ, *Св. Юрій коровѣ запасаетъ, а Никола коней*. Если же тогда случится въ приходской церкви праздникъ сему святому: то опправляется *кормашъ*, у Поляк. *Kiermasz*, или *Iarmark*, приходское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываетъ крестный ходъ *на житю*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Спардуба: оппѣвъ молебенъ съ водосвященіемъ, священники окропляютъ

и произвело пословицу: *Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag*, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лугахъ начинаютъ косить, съ Георгіева дни. Другая пословица также гласитъ:

Auf Sanct Gûrgen

Soll man die Kuh von der Weide schûrgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пажити. См. *Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen*, von Dr. W. Körte. 4 Lief. Leipz. 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ ешого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, капаются по жишу, чптобы *быть сильными и здоровыми, какъ Юрѣва роса*. До крестнаго хода поселяне не выгоняютьъ скопины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ ешого дня, выходятъ на поле и шамъ разспилають холсптъ, который онѣ наипывають росою: ешимъ онѣ хвалясь, по произволу, причинить вредъ рогатому скопу, особливо ко-
ровамъ, опнимая у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрѣевъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываетъ ярмарка, на коей продаются деревянные и глиняныя коровки и другія животныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ ешоптъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ опкрытія весны; между просполудинами онѣ шже, чпо въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагѣ, въ Юрѣевъ день опправляется молебспвіе всѣмъ міромъ, которое заключается пиршеспвомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись шамъ на широкіе луга, составляютъ два опдѣленія; молодцы присоединяются къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгаютъ по прямому направленію, вплошь до вечера. Послѣ ешого праздника, креспьяне принимаются сѣять ячмень, овесъ и ш. д. Око-

до Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью крестьяне ходятъ и поютъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи стада своихъ. Въ Смоленскѣ жипели выходятъ за городъ прохладясь *на горы*, а паслухи выгоняютъ скопъ на Юрьеву росу и праву. Въ Тульской Губ. служатъ также молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скопъ св. водою, выгоняютъ его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходятъ вокругъ села и поля съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковского, сами поселяне нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, братцы,
Святую куралесу (10):
Дажъ, Боже, намъ
Ячень усапый,
Пшеничку колосиспу, и т. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья; „одинъ весенній, другой осенній; одинъ голодный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климахахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: то въ одномъ мѣстѣ онъ является *сѣ тепломъ*, въ другомъ

(10) Вѣроятно, искаженное: *Κύριε ἐλέησον*.

съ двѣнадцатью морозами, въ одномъ съ водой, въ другомъ съ кормомъ. Въ Московской, Коспромской и иныхъ Губерніяхъ подъ одинакою съ ними широкою, пословица гласитъ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ*; онъ приходитъ съ двѣнадцатью морозами и потомъ съ тепломъ. Двинскіе и Важскіе жители говорятъ: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*; потому что съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часто вскрывающіяся, а съ появленіемъ Мая появляется зелень на берегахъ, освобожденныхъ отъ льдистой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говорятъ поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ ешимъ днемъ у кресстьянъ соединены разныя примѣты, относящіяся къ ихъ быту; тогда бывающъ у нихъ сроки и порги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ расшеній. Начиная съ Юрьева праздника свои труды и сдѣлки, они свящаютъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призываютъ его на помощь въ работахъ и напастяхъ своихъ.

При началѣ Хрістіанства въ Россіи нѣкоторые великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ вратами С. Софіи, 1037 г., и установленъ праздникъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востокѣ Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съ распространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего папрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честь его церкви (11): что, можетъ быть, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Хрісполюбивому воинству и плѣнныхъ свободителя. Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храбрый* (12) представляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ шрехъ ея дочерей, прошивникомъ Бусурманска и поборникомъ вѣры истинной на свѣтлой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтлоруской

Утверждаю вѣры Хрістіанскія.“

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

(11) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
 На лѣса на дремучіе :
 Нельзя Егорию было проѣхать ,
 И Святому подумати ;
 И Святой Егорій проглаголуеъ :
 Ой вы , лѣса тѣмные !
 Вы лѣса дремучіе !
 Заросшися вы , лѣса ,
 По всей землѣ свѣтлоруской ,
 По крупымъ горамъ , по высокымъ ,
 По Божьему все повелѣнью ,
 По Егорьеву все моленію !

Св. Георгій назначаетъ мѣсто въ Ру-
 ской землѣ, по Божьему велѣнью, лѣсамъ,
 горамъ, рѣкамъ, звѣрямъ,

Они (звѣри) пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное
 Отъ Георгія храбраго,
 Наѣзжалъ Егорій на стадо на зміиное;
 Вынималъ Егорій саблю острую,
 Стадо острое, зміиное.
 Постыкъ, порубилъ стадо острое.

Въ заключеніе Побѣдоносець крестилъ
 прехъ сеспръ изъ Бусурманской вѣры въ
 истинную Хрістіанскую. Эта легенда, по за-
 мѣчанію Профессора Шевырева, вѣроятно
 относится къ эпохѣ освобожденія Россіи
 отъ Татарщины — стада зміинаго.

О Св. Георгіѣ у креспьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранилъ скопъ и только за нечесіе паспуховъ предаеъ его на расхищеніе волкамъ; опшого вѣроятно и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.*

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей повары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ печеніи зимы, могутъ брать оныя за извѣстную плашу. Зимнеспячки воскресая весною, расчипывающіяся съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатъ и образъ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчае-

(13) У Поляковъ есть и пословица: *Nabożny iak S-Jerzego koń*, „набоженъ какъ конь С. Георгія“ говорится о пустосвятѣ.

(14) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

лень срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крестьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Рускихъ надъ Чудью и Вошьяками, жигтели Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вяпку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Споль много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

(15) см. Рускіе въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.

(16) *Жаралз.* И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ рощѣ, гдѣ болѣе катаются въ экипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Это гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слова *Май*.

Нашъ Май есть Римскій *Majus*, сначала третій, а потомъ пятый мѣсяць года, посвященный у Лапинянъ разнымъ богослужбынымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (*Bona Dea*), или *Maiu*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ *maiores* (предковъ), въ память усопшихъ (*Lemuria* или *Remulia*), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Maiu*, дочери Аплантовой и т. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schullexicon, von C. Junke. 4 T. Braunschweig. 1801, in 8.

Латинскихъ извѣщенъ *Maii* (Majus) въ Тускулѣ, а *Mai* (Maia, или Majesta), по свидѣтельству Макробія, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сіи божества и миѣы одноименныя, взявъ вмѣстѣ, могли сообщить свое названіе мѣсяцу Маю, который и самые Римскіе писатели производятъ по опъ одного, по опъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество *Majuma* въ воспоминаніе *Maii*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индійской Миѣологіи *мать природы*; оно, какъ полагаютъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), составляя одно съ *Iudi florales*. Въ епопъ праздникъ Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Веспалки бросали проспниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшійся наказаніемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоего пола выходили въ поле съ музыкою собирать зеленыя вѣтви, коими украшали двери своихъ родспвенниковъ и друзей.

Дни поминовеній у Римлянъ осенью и особливо весною почитались неблагопріят-

(2) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. IV. Halae. 1786, in 8.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ ; посему и Май, признаваемый бѣдспвеннымъ для супружеспвѣ, далъ поводъ къ пословицѣ: *Mense Maio malae nubunt*, т. е. въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ за мужъ злонравныя, распущныя. Епо повѣрье, прошивное испиной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидій in *Fastis*, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta

Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.

Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt,

Mense malas Maio nubere vulgus ait.

„т. е. Время сіе не благопріятно ни вдовамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала та, которая выходила „за мужъ. По епой причинѣ, если вѣришь „пословицѣ народной: въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонравныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Іюня“ : οὐ γαμοῦσιν οὐν ἐν τῷ Μαΐῳ, περιμένοντες τὸν Ἰούνιον (4). Также у Рускихъ извѣстна поговорка : Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться. Примѣта о маяніи супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археофилъ (5), ежели встрѣчаешся и въ крестьянспвѣ: то вѣроятно, опъ того,

(4) *Plutarchi R. Q.* 86.

(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, № 4.

что послѣ Мая начинаются для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недоспѣлкѣ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жниво. Французы говорятъ также пословицей: *Noces de Mai, nocces mortelles*, т. е. Майскія свадьбы, смертельные свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Πρωτομαΐα*) есть веселый праздникъ, похожій на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшаются цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Эссалии, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле Первое Мая (*Meys-tag*) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, оспашкомъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось *Maius, arbor majalis*, у Датчанъ *Maistræe*, у Англичанъ *Maypole*, у Французовъ *le mai*, у Нѣмцевъ *Maibaum* (6). Доселѣ молодыми березками (*die Maie*) украшаются въ Германіи дома, комнаты и церкви, особливо

(6) *Edda Saemundina*, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздящъ вапагами на лошадяхъ съ зелеными вѣпвями въ рукахъ или на шляпахъ; что называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на коняхъ въ село*. Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Брапчины, дѣлавшія на свой щепъ пиршество, назывались *Majigilder*. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ собранія *Майскаго поля* (*Mai campus*), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣлъ, давались пиршества и зрѣлища съ разными пошѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай спавить передъ домомъ городского Мера Майское дерево. При Людовикѣ свяшомъ дѣяки (клеры) судилища *Basoche* пользовались правомъ срубать дерево въ Винценскомъ лѣсу и спавить его предъ дворцомъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на тронъ, а юныя подруги, окружающія ее, дѣлаютъ сборъ для *Maiu*, какъ бы въ воспоминаніе епой плеяды (6). Тамъ Апрѣль и Май почищаются ключами къ цѣлому году. Въ Англіи и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, копорые въ вѣнкахъ изъ Майскихъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи юношества обоого пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго Majstöng. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Іоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепіскопа Майскимъ Королемъ (Maigreffwe), копорого водили въ цвѣточномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Епопъ Maigreffwe давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкопорыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (Johannisfeuer) зажигаютъ 1 Мая, добывая его преніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Броккенъ, или Блоксбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, оповсюду собираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, копорые находяпся въ связи съ дьяволомъ: они превращающапся въ разныя живошныя, ѣздяптъ на лопатахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшутъ вокругъ чертова пребища и совершающъ неисповое шоржество. Въ Вальпургову ночь, извѣспную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгашъ съ

(7) *Ihre Glossarium Sviogothicum*. Upsalae. 1769, 2 v. in f.

(8) *Handbuch der Germanischen Alterthumskunde*, von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

горящими пучками соломы, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и сирѣчь въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: то и ена таинственнѣйшая ночь и относящіяся къ ней суевѣрія оспраются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; при томъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную эпоху, съ которой начинаются экономическій годъ и полевые работы, заключаются контракты по откупамъ: то древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно наканунѣ Мая, ночью они спровадывали ихъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ эту ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Броккена, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, дающъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ пляскахъ вѣдьмъ предполагающія слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій праздникъ испогниковъ славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался *Mojsenmonat*, т. е. *Wonne-monat*, радостный, *Wiesemonat*,

(9) *Библическій Лексиконъ*, т. III.

(10) *Карамз. И. Г. Р. ч. I.*

луговой, Rosenmonat розовой; Tri-milchi, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ прое-млечный, попому что въ Маѣ прижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ епомъ мѣсяцъ извѣстенъ по подѣ именемъ *Травеня*, по *Цвѣтенья*, по подѣ Римскимъ именемъ *Мая*. У Поляковъ только *Маршъ* (Marzec) и *Май* (May) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ *May* значить также зелень, въпви съ зелеными листьями, особенно березы, а *umać głowę uwienчать* голову вѣнкомъ. *Maj*, *Majówki* — Майскія гулянья, праздникъ весны въ первомъ ея цвѣтѣ. У древнихъ жипелей, говоритъ Л. Голембовскій, была богиня *Мая*, коей они воздавали почтеніе въ первый день етого мѣсяца; ее донынѣ призываютъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно вспрѣчаютъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундъ Августъ, еще въ нѣкоторыхъ округахъ сходились наряженные молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинщинѣ и другихъ краяхъ Липвы, первое *Мая*, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) Gry i zabawy różnych stanów etc. opis. p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831, in 8.

ставилъ тамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея станъ. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: о Маја! Маја! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Липвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или рекреасје тајове. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихся и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), опшуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Естьъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ при Майскія рекреаціи, всѣ ученики и учителя и споронніе любители наукъ выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студеишы пѣли канты. Учишель поезіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для такихъ прогулокъ, а прочіе учишели писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 числъ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, то же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической рошѣ, кошорая соспавляетъ часть Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле Рускіе Государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчій ето гулянье слывешъ *Нѣмецкими станами* и *Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое становище Нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно приѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ Финнскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они собирались воспоминашь

(12) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ, 1825, въ 4.

(13) костеръ. см. *Купало*. Карамз. И. Г. Р. ч. XI.

отечественный свой праздник *Первое Мая*; любопытство привлекало труда и Русскихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ епопѣй чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были плѣнные Шведы: Пётръ I поселивъ ихъ близъ Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разныя мастерства въ науку Русскихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Матроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Епопѣй Государь - хозяинъ, имѣвшій дворецъ въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и сгарыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ справны, въ первое число Мая: епо угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кто изъ Московскихъ жишелей не помнитъ тѣхъ *Русскихъ столовъ*, какіе давалъ сряду при дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья составилось общее Московское! Какъ Пётръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: то и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обрашилъ мѣсто соколиной пошѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ перво-майскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подѣ гостепріимною сѣнью Сокольнической рощи. Теперь, въ епоть праздничный день, роща, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣпній городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ тянутся блестящіе ряды екипажей, песпирѣютъ группы пѣшеходцевъ обоего пола и разнаго званія, а въ спорахъ, подѣ привѣпною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманиваютъ къ себѣ палатки и шатры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя попѣхи балагановъ забавляютъ полны гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ представляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, отъ Поляковъ, какъ *народный городской*, отъ Нѣмцевъ! Отъ ешого первый болѣе извѣстенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались доспояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ Еремея запрягальника, выходятъ на Майскую росу пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаютъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чтобы зимою имъ не маяться.

VIII.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Ппицегаданіе, или ппицеволхвованіе, столь важное въ вѣрованіи Емprusковъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно - Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрьевъ и обрядовъ, доселѣ существующихъ (1). Къ ппицамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (*oscines*), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежишь *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она *kokila*, у Турокъ *koukou-kouchi*, у Еллиновъ *κοκινυξ*, у новыхъ Грековъ *κοῦκος*, у Римлянъ *cuculus* (*canopus*), у Французовъ *coucou*, у Нѣмцевъ *Kuckuck* или *Mairovogel*, у Агличанъ *cuckoo*, и ш. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчїи, такъ равно и въ Чешскомъ (*ZeZhule*), она извѣстна подъ именемъ *зозули*; а въ Липовскомъ *Gieguzie*, *Kukułka* значить Май.

Въ Липовской Миѳологїи, столь обильной превращенїями, кукушка занимаетъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сестрѣ прехъ

(1) см. Святки. вып. 11.

(2) Сынъ Отечества. 1836, No 16.

братъевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейстута на войнѣ съ монахами - рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи права кукушкины слёзы (*orchis latifolia*), а вдова и сирота — горькою кукушкою. И въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ рябую кукушку (3). Въ Самогиціи и Липівѣ просполодины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣстія. Если она закукууетъ надъ чѣмъ либо домомъ: то ея почитается за предвѣщаніе смерти хозяину. Ктожь услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онъ круглый годъ не будетъ у него переводиться. Ея голосъ служишь оракуломъ для того, кто ее спрашиваетъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желяють чпо либо узнать
опъ кукушки :

Tu seserity brangioy ,
Tu giegùzajty rajboy ,
Brolum arklus ganidama ,
Szyłkum siufus wajstidama ,
Sasik kad'asz wiva gansu ?

т. е. Ты, сестрица дорогая,
Пестрая кукушка;
Кормя коней брашнихъ,
Мояа нипи шелковыя,
Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану?

Сколько разъ, послѣ етого вопроса, про-
кукуешь кукушка, чрезъ сполько лѣтъ долж-
но и совершиться желаніе (5).

Въ Великой Россіи, когда поселяне
идутъ лѣсомъ и слышатъ кукованье вѣ-
щей ппицы; по спрашиваютъ: „Кукушка,
„кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го-
„довъ?“ Сколько разъ прокричитъ еша ппи-
ца, сполько и счищаютъ лѣтъ до своей кон-
чины.

Въ Липовѣ и понынѣ отправляютъ
праздникъ въ честь кукушки. На третій
день Свѣтлаго Воскресенья собирается мо-
лодежь изо всей деревни въ одинъ домъ и

(5) Сынъ Отечества 1836 г. No 16.

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ танецъ Giaguzu. Царицею епого танца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становаются въ кружокъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!

Asz tawa brolabys kuku, kuku!

т. е. Царица кукушка, куку, куку!

• Я твой братецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу пѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ прехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При расставаніи даритъ имъ пестрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ этихъ парней братьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, происходитъ изъ народнаго миѳа, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ кукушкинъ день (Gaufstess, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи отправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, крещеніе кукушекъ по въ трепье, по въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ мѣ-

роносицъ, когда въ Новгородѣ доселѣ ежегодно спавяшъ горшечки съ пескомъ подъ кирпичной несмазанный полъ въ древней церкви Женъ Мгноносицъ на Ярославовомъ дворѣ. Поселянки въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идущъ въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и тамъ нагнувъ двѣ молодыя березки, связывающъ ихъ вмѣстѣ вѣтвями, плашками и полопенцами такъ, чпобы онѣ соспавили вѣнокъ и къ етому вѣнку привѣщивающъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходящъ вокругъ вѣнка въ разныя спороны и по прираза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между тѣмъ прочія женщины поютъ :

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чшобъ намъ съ тобою не браниться!

Послѣ сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь кумами, живутъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются мущины; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810 г.
В. Броневскаго. ч. 1 и 2, М. 1828, въ 8.

появлять себя яшницу и послѣ дружескаго пиршества пляшутъ тамъ подъ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи ешомъ праздникъ отпразднывается съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ крестикъ на ппичку кукушку, или на одноименную съ нею правку, кладутъ ихъ на разоспанный плапокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами и цѣлуются съ прочими подругами, потомъ ѣдятъ яшницу. Кумовство также между женщинами походитъ на братанье, или побратимство между мужчинами, а проспонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ отъ Язычества къ Хрістіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, поскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенными; по Г. Глаголевъ и полагаетъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы называть крещеніемъ Русалокъ (5).

(5) У Нѣмцевъ есть примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Guckuf noch lange nach Johannis schreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будетъ голодно и дорого.

ІХ.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчателенъ *Семикѣ*, любимый народный, или лучше сказать, дѣвичій праздникъ, по содержанію своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ седьмой четвергъ по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Опець, копорая у просполудиновъ извѣсна подъ именемъ *семицкой*; а въ Малороссіи клетальной опѣ клетанья, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, какими шамъ украшаются дворы и покои. Опѣ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, копорому соотвѣтствуетъ также и сѣянiе и Польское слово *Сеймикѣ* (*Seimik*), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикѣ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слышеть *Siomucha*.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикѣ называется *Тюллою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говоритъ въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадомѣ*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. харат. *Кормчал*, хранящаяся въ Патриаршей Московской Библиотекѣ, подъ No 80, въ листѣ. — Въ Свед.-Готскомъ *tölte* знач. плясать.

Длугошъ въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; попому что на это празднество собирались *толпами*, или *суіомами* (2), а *стадитъся*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значить сбираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, епомъ праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ровба́ліа*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми скоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣпо — пѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются *Rusálda*.

Рускіе величаютъ Семику *тестнымѣ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ лѣпныхъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Коспромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семику честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бывають рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завивають вѣнки, а на другіе пускають ихъ для загадыванія. Московскіе жили издавна празднуютъ Семику въ *Марьиной за-*

(2) I. Dlugossii Historia Polonica. l. VII. ed. G. Grodecki. Lipsiae. 1711, f.

городной *рощѣ*, какія есть и во Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ, Тулѣ, Ельцѣ.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особенности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія *убогихъ на убогихъ домахъ*, или *скудельницахъ*, кои, по большей части, находились въ *рощахъ*: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризнѣ. Но празднованіе Семика и Хрістіанскій обычай погребенія на *скудельницахъ* составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ происпекъ *потъ* и другой.

Время, измѣнившее или опмѣнившее зашѣливые обычаи народные, теперь преобразило ешотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторые зашѣльные обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнапахъ, березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семицкѣ вся Москва представляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьею, въ видѣ кущи обспавливался березками сполъ съ яишницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскушками березку толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣпвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Старыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, вапаги народа, умывъ руки себѣ въ Самопекѣ, шли въ Марьину рощу завивапъ березку и пировапъ съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поюпъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица
„сидипъ въ бѣломъ шапрѣ подъ зеленою ли-
„пою, въепъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, украшая
„его дорогимъ яхонтомъ, и говорипъ со
„вздохомъ: „Кому епопъ вѣнокъ носипъ?
„Уже ли старому? — Нѣпъ! старой не будепъ
„носипъ! Старой не опрада, не защита моей
„молодости; пуспъ же носипъ его мой ми-
„лой другъ“! — Передъ вечеромъ дѣвушки воз-

вращающіся домой съ вѣнками, кои и бере-
гущъ до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и дру-
гихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумитъ*-
ся значишь цѣловапсья при развитіи вѣн-
ковъ. Тамъ, предъ развитіемъ въ рошѣ вѣн-
ковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на
себѣ печать смѣшенія Язычества съ Хрістіан-
ствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ
отъ перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,

Богородица,

Намъ въ лѣсъ пойми!

Вѣнокъ сплести!

Ай Дидь, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, му-
щина, носящій березку, именуется *кумомъ*,
а дѣвица *кумою*; топъ и другая играютъ важ-
ную роль на праздникѣ.

Игра *Кула въ Семикъ* повторяется въ
селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязан-
ской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ
это время поселянки, собравшись въ роши,
нагибающъ молодыя *плакутія* березки, сви-
вающъ изъ нихъ вѣнки и попарно подходящъ
сквозь ихъ цѣловапсья, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при
Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,
 Покумимся!
 Намъ съ тобою не браниться,
 Вѣчно дружишься.

Въ это самое время даряшъ другъ друга желтыми лицами, коими поминаюшъ также ушопленниковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходяшъ по упру съ пирогомъ собирашъ у сосѣдей деньги, а вечеромъ составляютъ хороводы, гдѣ поюшъ и пляшутъ, а потомъ ѣдяшъ пироги и яшницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлаютъ складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семикъ составляетъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими представлѣніями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекушъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ лицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣшви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березовыхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши.“ При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поюшъ:

Береза моя , беріозонка ,
 Береза моя бѣлая ,
 Береза моя кудреватая !
 Стоишь ты , беріозонка ,
 Осередь долинушки.
 На тебѣ , беріозонка ,
 Листья бумажные ,
 Подъ тобой , беріозонка ,
 Трава шелковая.
 Близъ тебя , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Въ Семикъ поютъ ,
 Подъ тобой , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Вѣнокъ плетутъ.
 Что не бѣлая беріозонка
 Къ землѣ клонится ,
 Не шелкова травонька
 Подъ ней разстилагается ,
 Не бумажны листочки
 Отъ вѣтру раздуваются ;
 Подъ етой беріозонькой
 Съ красной дѣвицей
 Молодецъ разговариваетъ.

Послѣ етой пѣсни, поселанки садятся за
 козули и яишницѹ подѣ березою ; за пирше-
 ствомъ слѣдуютъ сценическія игры, особен-
 но замѣчательныя на правомъ берегу Волги,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою:

А мы просо сѣяли.
У воробушка голова болитъ.
Во полѣ береза стояла.
По горамъ, горамъ.
Заплетися, плетень, заплетися.
Ай! на горѣ макъ, подъ горою такъ.
Ай! во полѣ липинка.
Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ тогда дѣвки и бабы съ пивомъ ходятъ *подъ березку*, т. е. въ лѣсъ, и къ каждому спиху пѣсенъ припѣваютъ: *Лельо, Лельо.*

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жили села Горохова спраивали подъ Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени, внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣтый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша сбирались тамошніе жишели, принося съ собою отборную пищу и пипье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ ешого шалаша, который представлялъ родъ капища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семикъ по приятному и теплomu времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Семикъ пайра́мъ*, веселый праздникъ, болѣе потому, что въ это время женятъ сыновей, или выдаютъ въ замужство дочерей за хорошій калымъ. Къ ешой порѣ сваривъ кашу (пучу́мушъ) изъ разныхъ крупъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное возшло въ изобиліи; послѣ чего поминаютъ родспвенниковъ, *сорта́ тук-томо кѣтэ*, переходя отъ одного къ другому, и пѣмъ самымъ оканчиваютъ *Семикъ пайра́мъ*.

Въ Вологдѣ Семикъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Поляны*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ бипѣ съ Липвою (6). Въ Нерехтѣ также Семикъ празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовымъ* домомъ. Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, епомъ праздникъ народный, соединенный прежде съ торжественнымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоихъ*, т. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницъ*, или *убогихъ* домовъ, кои превращались въ роши опъ насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ роцахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемая Божедомомъ, не только свозились поднятые на улицахъ и дорогахъ мершвые прупы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, которыхъ воспитывалъ милосшынею спражъ *убогаго* дома.

На епомъ основаніи Семикъ, по видимо-му, можно почесъ *оспапкомъ* *Тризны* или *Справы*, по времени его, мѣсту и обряду погребальному; попому что онъ приходился на недѣль поминовенія усопшихъ предъ все-ленскою *Троицкою* субботой, совершается на *скудельницахъ* или *убогихъ* домахъ и начинается *благочеспивымъ* обычаемъ погребанъ и поминанъ несчастно умершихъ.

Но поминовение составляетъ особенную стихію, противорѣчащую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* споль важный предметъ, какъ и въ *Колядѣ*, или *Свяпкахъ*. Ношеніе же и завиваніе *березки*, *хороводы*, *Семицкія* игры и призываніе вышеозначенныхъ

миѣическихъ существъ обнаруживають, по замѣчанію Митрополита Філарета, рѣзкую противоположность спихій Хрістіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый — „человѣколюбивый обычай введенъ при распространеніи Хрістіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — остаткамъ идолослуженія; по етому Церковь и хотѣла противоположить языческому Семику хрісполубивое погребаніе спранныхъ, чувственному веселію мысль о смерти, набожность и благопвореніе.“ Но люди, воззываемые къ новому духовному, по привычкѣ, упадали въ старое чувственное; опъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ спихій и эпохъ (7).

Торжественнымъ ношеніемъ деревъ Еллины сопровождали особенныя празднества, какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *’Ανθεοφορία*, цвѣтоносіе, въ честь Прозерпины, *Δενδροφορία*, древоношеніе, *Εἰρεβιάνη*, ношеніе масличной вѣтви, или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и п. п. (8). Въ Θεοδοσίевомъ уложеніи упоминаются

(7) Труды и Лѣтописи Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) *Ph. Buttmann Mythologus*. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. *Religions de l'antiquité par F. Creuzer*, refondu, complètè et developpè par. I. D. Guignaut. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

δενδροφόροι, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при шоржесствѣ въ честь Май, матери Меркуріевой. Ихъ *Arbor Majalis*, или *Majus*, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику *Floralia*: то и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣты — главные принадлежности етого праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ шоржесственномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоего пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличные остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находятся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся праздникъ вѣнковъ (*Kranzefest*), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бывалъ зеленый чело-вѣкъ (*der grüne Mann*), или Царь садовъ, об-

(9) Edda Saemundina. t. III.

вишый зелеными вишвами, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ роши въ селеніе, гдѣ собирали съ поселянъ яицы для приготоуленія кушанья. Симонъ Буссакъ, in postib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленыя вишви въ день Св. Апостолъ Филиппа и Іакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енеповъ, пришедшихъ изъ Иллиріи — свидѣтельствуетъ Иродотъ въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ годъ собирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, достигшія лѣтъ замужства, а съ другой стороны мущины, и одна изъ наилучшихъ продаваема была тому, кто больше за нее заплашитъ для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутымъ нами *Стадомъ*, или игрою *Прососѣнія*.

Роши или дубравы служили мѣстами тайнственныхъ обрядовъ язычества у Восточныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Хрістіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались завѣшные обряды. Самые Друиды опъ деревъ, или опъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почишаема была липа, какъ волшебное и священное дерево, опъ коего не осмѣливались опрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жертвоприношенія и производился судъ *подъ липами*, или *подъ липою* (*under der Linde, judicium sub tilia*) (10). У древнихъ Пруссавъ *подъ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладѣ*. У Липовцевъ липа посвящена была богинѣ *Laimo*, коей праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подъ липою столбъ стойтъ*, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ епоху праздника, въ который липа и береза составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣнками же изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ почти всѣ народы древняго міра увѣнчивали и жертвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. Klemm. Dresd. 1836, in 8.

(11) На Липов. *ligoti* (льгота?) значитъ веселиться. Опъ *Linde* липа *Linderung* прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) *Prutena* von L. Rhesa. Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ шѣхъ деревъ, кои посвящены были чествуемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ бессмертія, знаменіемъ переходенія души и союза мертвыхъ съ живыми; самыя свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служилъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (13). см. вып. I, стр. 23.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Карамзинъ — и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Хрістіанства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимосвятыя дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капишул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(13) Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 214.

793 г. предписалъ испреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семикѣ соединяются спихіи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣшвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; по съ досповѣрностію заключить можно о языческомъ происхожденіи епюго празднества, пропивоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминовенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой спашѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семикѣ соспавлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадолибъ*, *Сейликолибъ* и, по самому прозванію народному, *Тюлпою*, или *толпою* и Нѣмецкимъ *Pfingsttritt*, Троицкою процессіею, о коей мы выше упомянули. см. спр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимспвовали свое наименованіе опъ Семика, какъ-то: *Семиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Семики* пуспошъ въ Успюжскомъ уѣздѣ, *Семикѣ* слобода подъ Ярославлемъ, *Семицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ успьемъ, въ Оспровскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1563 г. и т. д. Но слово Се-

(14) C. H. *Græpen origines Germaniae*. Lemgo. 1764 — 681 s.
Is. in 4.

микъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе XVIII вѣка въ письменныхъ памятникахъ. Самый день начала празднованія Семика *тетверѣ* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется *Thorstag* и *Thurstag*, Туровъ день, въ Шведскомъ *Helig Thorsdag*, въ Англійскомъ *holu Thursday*, у Люненбургскихъ Вендовъ *Perendan*, ш. е. *Перун* и *данѣ*, Перуновъ день. У простолюдиновъ Нѣмецкихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *der grüne, der hohe Donnerstag*, зеленый, высокій громовъ день (15). Седмичное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть таинственный смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поетому ли и *седьмому четвергу* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Чтожь касается до названія его *Торовымъ*, то очевидно, что онъ посвященъ былъ *Тору*. Въ *Игровой пѣсни Турѣ* сопровождается эпитетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ *Ареса Θοῖρος*, ярый. *Турѣ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

(15) По мнѣнію Г. Сенковскаго, это названіе имѣетъ астрологическое значеніе и переведено съ *Лат. dies Iovis*. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Преосвящ. М. Філарета Записки на книгу Бытія*. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно - Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разныя племена давали разное значеніе по своей мѣстности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминающагося между языческими игрищами *Турь*. Вѣроятно, что *Турѣ*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яромѣ* и *Ярилою* (17), или *Перуномѣ*, а *Ладо*, одно съ Чудскою, или Мерьанскою Коспромою. Липа и береза не были посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовствѣ Семицкомъ?

Такимъ образомъ Туръ и Ладо, представлятели сочепанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съвесною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣщанные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ остатки первыхъ въ удѣлѣ сельскихъ жителей и масперовыхъ.

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ Луканіи *Θουρίων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова* божница, въ Москвѣ урочище *Турьино*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!

Богородица!

Намъ въ лѣсъ пойши,

Намъ вѣнки завивашь,

Ай Дидо! ой Ладо!

Намъ вѣнки завивашь

И цвѣты сорывашь;

Ай Дидо! ой Ладо!

А мы въ лѣсъ пойдѣмъ

И цвѣтовъ нарвѣмъ,

Мы цвѣтовъ нарвѣмъ

И вѣнокъ совѣмъ,

Ай Дидо! ой Ладо!

Свекру батюшкѣ,

Свекрови мапушкѣ;

Свекру батюшкѣ малиновой,

Свекрови мапушкѣ калиновой.

Ай Дидо! ой Ладо!

Пойдѹ-ль я тишкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ,

Сломлю-ль съ сыра дуба вѣшочку,

Брошу на быструю рѣчиньку,

Ай Дидо! ой Ладо!

Не тонетъ, не плыветъ

Съ сыра дуба въпочка ,
 Не тужишь по мнѣ
 Свекоръ батюшка , свекровь мапушка.
 Ай Дидо ! ой Ладо !

2.

Ой Дидо ! ой Ладо ! на курганѣ
 Соловей гнѣздо завиваетъ ,
 А иволга развиваетъ ;
 Хоть ты вей , не вей соловей
 Не бывать твоему гнѣзду свитому ,
 Не бывать твоимъ дѣшамъ вывожапымъ ,
 Не летать имъ по дубровѣ ,
 Не клевать имъ яровой пшеницы.
 Ой Ладо ! ой Ладо ! ой Дидо ! (1)

3.

Ты не радуйся ,
 Дубъ съ горькой осиною ,
 Ты радуйся , бѣлая береза !
 Къ тебѣ дѣвки идутъ ,
 Къ тебѣ красныя идутъ ,
 Съ пирогами , со яишницей ,
 Со драконами.

(1) Въ Тульской Губерніи.

4.

Ходить ко́лосъ по яри,
 Что по бѣлой по пшеницѣ,
 Изъ зерна-то коврига;
 Изъ полужерна пирогъ.
 Гдѣ дѣвушки шли,
 Тутъ рожь густа;
 Гдѣ бабы шли,
 Тамъ вымокла;
 Гдѣ мущины шли,
 Тамъ повыросла;
 Гдѣ ребята шли,
 Тамъ повылегло. (2)

5.

У Волжскихъ жипелей Семикъ открыва-
 ется хороводною пѣсней, которую поютъ,
 ходя около березы, изъ вѣтвей которой
 дѣлаютъ вѣнки, украшая оныя лентами.

Не дожжикъ берёзу обмываетъ,
 Здѣсь въ роцѣ дѣвокъ прибываетъ; —
 Скачите, пляшите, красны дѣвки!
 А вы, холостые, поглядише!
 Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взять!
 А взять ли, не взять ли съ доброй воли,
 По башюшкину повелѣнью,

По матушкину благословленью ,
По невестину рукодѣлю , и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлають собою
другой кругъ , въ срединѣ котораго мужчина
и женщина ходятъ и поютъ съ прочими :

1.

Ахъ ! во полѣ липинка стояла ,
Во полѣ кудрявая стояла ,
Подъ липою былъ шатерь ,
Во томъ шатрѣ столъ стоить ,
За стѣмъ споломъ дѣвица ,
За стѣмъ сидитъ красная ,
Шьетъ ширинку золопомъ ,
Нижетъ узду жемчугомъ .
Бѣхалъ мимо молодець .
Богъ на помощь дѣвица !
Богъ на помощь красная !
Ширинку шить золопымъ ,
Низать узду жемчугомъ .

—

Мужчины поютъ :

Не мнѣ ли ширинка ?
Не моему ли коню уздичка ?

—

Женщины отвѣтствуютъ.

Не по молодцѣ ширинка ,
 Не по швоемъ конѣ уѣздичка.

—

Третью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей , только съ тою разницею , что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мужчина , а потомъ женщина , и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ :

2.

Царь по городу гуляетъ ,
 Царь Царевны своей ищетъ.

Пляшутъ :

Ужъ ! какъ гдѣ моя Царевна ?
 Гдѣ Княгиня молодая ?
 Ужъ и вотъ швоя Царевна ,
 Вотъ Княгиня молодая !
 По загороду гуляетъ ,
 Шелковымъ плашкомъ махаетъ ,
 Злапымъ перспнемъ освѣщаетъ .
 Растворяйтесь , вороша ,
 Растворяйтесь , широки ,
 Вы еще шово пошире .

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается , и двое , поднявъ вверхъ ру-

ки, держапъ плапокъ за оба конца, чпобы
дапъ пройти сквозъ сдѣланныя такимъ обра-
зомъ воропа Царевнѣ, копорая въ то время
была внѣ круга. Когда же пройдепъ Царевна,
продолжающъ пѣпъ:

Вы сойдитесь поближе!

Вы еще пово поближе!

Поцѣлуйтесь помилѣе,

Вы еще пово милѣе!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кон-
чашъ кругъ, садяпся за столы, накрытые
скаперпями, и продолжаяпъ за оными уго-
щашъ другъ друга лакомспвами, пивомъ и
виномъ. Попомъ, вспавъ, поющъ:

3.

Пошелъ молодець на гулянье,

На веселое, на веселье.

На немъ синь кафтанъ на распашку,

Шелковой кушакъ на рубашкѣ,

Тростъ камышева съ алой леншой

Перчаточки въ правой ручкѣ.

Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:

Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,

На веселомъ на весельѣ.

Тутъ дѣвушки приуныли,

Тутъ всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ
съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣ-
ланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село.
Пришедши, врываютъ березки въ землю и
продолжаютъ пѣшь:

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ, 2.

Растетъ трава шелковая; 2.

По той травкѣ Панья шла, 2.

А за Паньей Пань летѣлъ, 2.

Крича: Панья, ты моя! 2.

А я, сударь, не твоя! 2.

Родимова батюшки, 2.

Сударыни матушки, 2.

Сію пѣсню поютъ три раза.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, пере-
вивающся, приходя всѣ поочереді подъ под-
нятыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ:

5.

Какъ за Волгой ярь хмѣль,

Подъ кусточкомъ вѣтлся;

Перевился ярь хмѣль

На нашу сторону.

Какъ ли на нашей споронкѣ

Жишье пребогато 2.

Серебряны лисья, вѣнки золошые.

Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова,

Наварю я пива, пива молодова.

Позову я гостя, гостя дорогова,

Айли гостя дорогова, бабюшку роднова:

Мое тѣ бабюшка вишь пьешь, пьешь,

Пьянъ не напьется, домой соберется.

Сію пѣсню поюшъ два раза съ шою перемѣною, чшо слова къ опцу перемѣняюшъ на слова къ мапери. Кончивъ оную, начинаюшъ другой кругъ и поюшъ:

Ахъ! по шравкѣ, по муравкѣ,

Вокругъ города большова

Гулялъ молодець удалой.

Мущина, а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни:

Ой Туръ, молодець, удалой,

Онъ изъ города большаго,

Вызывалъ красну дѣвицу

Съ нимъ на шравкѣ побороться.

Въ то же время другая съ плапкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой, Дидъ, Ладѣ! побороться

Вышла красна дѣвица

И молодца поборола ,
 На муравку уронила ,
 Ой , Дидь , Ладо ! уронила .

Дѣвушка побораетъ мушину , срываетъ
 съ него шапку , преплетъ волоса .

Доброй молодець вспавая ,
 Закрывалъ лице руками ,
 Уширалъ горючи слезы .
 Онъ не смѣлъ своей кручины ,
 Добрымъ объявить .
 Ой , Туръ ! Дидь ! Ладо ! объявить .

6 .

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ по-
 ютъ слѣд. пѣсню послѣ пиршества :

Каравонъ красныхъ дѣвушекъ !
 Какъ у насъ въ году при праздника ,
 Первой праздникъ — Семикъ честной ,
 Другой праздникъ — Троицынъ день ,
 А третій праздникъ — Купальница .
 Какъ у насъ зелена трава ,
 Какъ милой мой другъ
 Въ кабакъ напивается ,
 Какъ милой мой другъ
 По зеленой травѣ валяется .
 А Орина подходила ,
 Никишу своего будила ,

Встань, убудися, Никиша,
 Встань, убудися, волокиша!
 Сосѣди смѣются,
 Въ безчестье то ставятъ.
 Всталъ Никиша, пробудился,
 За руку съ Ориной ухватился,
 Домой Никиша пошацился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣв-
 ка, упавъ на землю, представляетъ лице
 пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около
 его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ
 содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена по-
 дымаетъ мужа и цѣлуетъ его; тогда же хо-
 роводъ съ мѣста идетъ въ селеніе, при пѣніи
 обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончится Се-
 микъ въ Нерехотской округѣ.

Х.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой субботы, коей обряды извѣсны были въ XVI вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ отдѣльно отъ церковнаго шоржества, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начатое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ при дня Св. Троицы слывуть Зелеными Святками, въ Липвѣ и Польшѣ *zielone świątki*, и зеленою недѣлею, у Чеховъ и Словаковъ — *Rusálda*, а у Карпо-Россовъ *Русалье*: изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемая у Валсамона въ толкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи Д. И. Байтышъ - Каменскаго, 2 ч. Москва. 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣтописяхъ *Русали* должны бытъ Троицкія игрища. Въ Южной и даже Сѣверо-Восточной Россіи, какъ видно изъ опечеспвленныхъ лѣтописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ спашѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываешъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, который, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; также собирается народъ въ это время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа теряется во мракѣ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ пѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія (2): по исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праопцевъ, носящее на себѣ оппечашокъ Язычества.

Въ Троицынъ день суевѣрный языческій обрядъ народа встрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднеспвомъ Церкви; опашъ та же рѣзкая пропивоположность, какъ и въ Семикѣ, и опашъ то же случайное

(2) Славянскія Древности П. І. Шаффарика, перев. І. Бодянскаго. т. І, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ сѣмволахъ , взяпыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, оспались однѣ только формы и сѣмволы , удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю , безъ сознанія : по развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служапъ только предметами обычной забавы и веселья , какими Рускіе поселяне и даже жищели предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ , гдѣ , какимъ образомъ и когда въ Россіи опправляется народный праздникъ , коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣпвей и цвѣповъ , какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣпви и цвѣпы служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣпвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными сѣмволами масличная вѣпвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и п. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшапъ вѣпвями древесными и цвѣпами храмы и дома было историческое ; они сообщивъ симъ естественнымъ сѣмволамъ

высшее, священное употребленіе, украшали ими дома, стогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; потому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жашвы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Іудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Вѣроятно, замѣчаетъ Бухспорфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешелъ отъ Іудеевъ въ Новозавѣтную Церковь, въ коей различные цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Утѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣта юной церкви, оживотворяемый сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, воспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf Synag. Iud.* с. XX. p. 443.

(4) *М. Филарета* Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani Archaeologia biblica*, Viennae. 1814, in 8.

Травы и цвѣты проичные изъ церкви берущія нѣкоторыми въ дома и употребляющіяся какъ средство отъ недуговъ (5). Чтожь касается до употребленія цвѣтовъ и вѣшвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужебныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздникъ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финикіанамъ (*Ἀδωνία*), Еллины бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ предметами волхвованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финскихъ племенъ, сожителей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (риспанія) вокругъ алтаря (6). Онѣ сопровождали богослужебные обряды у Еллиновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинаются и сопровождаются Рускія весеннія игры отъ Красной горки до Пепрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смол-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ря по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными мѣстами, въ Тульской Губерніи, на берегу красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почищаютъ шуземцы за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ніобѣ съ дѣтьми. Не смотря на это, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пупи въ рощу для развиванія березокъ, поселанки поютъ пѣсню. см. спр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда опводятъ хороводы и умолкаютъ пѣсни, поселанки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплыветъ, завершится на одномъ мѣспѣ, или потонетъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и п. п. При этомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону спруя понесетъ вѣнокъ, въ той бытъ дѣвицѣ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки шѣхъ цвѣтовъ, съ которыми спояли въ церкви. Какъ въ Рожеспвенскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкно-

венно проспираются на одинъ годъ. Индѣвѣнки развиваются въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ мѣстамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынъ день, дѣвицы и молодки собираются въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельё*, потомъ начинаютъ полдневать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, водя по рощѣ круги, напоследокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагъ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители собирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за плашки въ рукахъ, образовали кругъ и тихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невѣсту. Послѣ придневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ оспальные дни Русальной недели дѣвицы у домовъ составляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семикъ поселанки, одѣвъ въ лучшее плащье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, спавяшъ ее въ клешъ до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни собираются дѣвки съ парнями выносятся *гостейку* за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшутъ, завивающъ и пускающъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ, наканунѣ Троицына дни, носяшъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропяшъ св. водою скопину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебствія, кресъяне и кресъянки въ праздничныхъ плащяхъ поющъ и пляшутъ вплошъ до ночи въ чesпъ Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынѣ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя буднишныя плащья, сходятся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костролой*, кладущъ ее на доску и несущъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купашъ. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлають изъ лубка барабанъ, спучають въ него и сопровождая спукъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ етого, нарядясь въ праздничныя платья, выходятъ на улицу играють въ хороводы вплоть до вечера. Погребеніе епой миѣической *Костромы* совершается просполоудинами въ Муромѣ, въ первое воскресеніе послѣ Троицына дня, тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бывають погребеніе *Лады*.

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ который готовятся два общіе каравая, одинъ для стола, а другой для роши, куда съ нимъ отправляются дѣвки завивають вѣнки и гуляють. Въ Псковской Губерніи обмешають пучками Троицкихъ цвѣтовъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прогищать*.

Волжскіе жигели въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идутъ съ вѣнками на Волгу и поють:

Глубока рѣка берега рвала,
Охъ! люли, берега рвала.
Уже я млада по бережку шла,
Охъ! люли, по бережку шла,
По бережку шла и цвѣшы рвала.

Меня младу тудя сорвало ;
 На низъ понесло, къ Донскимъ козакамъ ;
 Охъ ! люли , къ Донскимъ козакамъ.

Развивъ вѣнки , дѣвушки и молодыя вдовы бросаютъ ихъ въ воду , загадывая о суженыхъ : чей вѣнокъ поплыветъ , та надеется въ попъ годъ выпши за мужъ ; чей попошетъ , той сидѣтъ въ дѣвкахъ или во вдовствѣ. Епо игрище оканчивается пѣснею , которую онѣ поютъ , возвращаясь домой :

Грушица, грушица! зеленой виноградъ !

Подъ грушицей свѣшлица стойтъ ,

Во свѣшлицѣ дѣвица сидитъ ,

Забавныя рѣчи говоритъ :

Ахъ ! нонече какія времена !

Сушатъ женъ хорошіе мужья ,

А дѣвушекъ дальніе друзья ;

Всяка дѣвка себѣ дружка зажила.

Дальній другъ — большая сухоша ,

Ближній другъ — веселье завсегда.

Призвала дружка на часокъ побывать ,

Уняла его и ночку ночевать ,

Упросила недѣлюшку пожить ,

Принуждаетъ его силою любить.

Уже силою не буду я любить ,

По неволѣ я не буду цѣловать.

Въ Нерехотскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ рощахъ березки, и приготавливаютъ сполько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ - то: для опца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню:

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.

Троица.

При епіомъ завѣшномъ обрядѣ двѣ девушки мѣняющія кольцами въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горѣлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почищается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается капанье красными лицами.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Липвѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

(9) Съверный Архивъ, 1822 г. No 24.

поги вельможъ и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревцами, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнапъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святковъ, до самаго окончанія праздника. Опъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ достоверностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ тамъ такой обрядъ и попомъ перешелъ въ Хрістіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ епомъ обычай. И Жидаы въ Зеленя Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшающъ свои подсвѣшники, пополки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. У Каполиковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на епо деревья многолиственные, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистые (10). Въ Липвѣ и Польшѣ епомъ древній обычай теперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; простолюдинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленя Святки для украшенія мазанокъ своихъ.

(10) Domy i dwory etc. pr. L. Gołębiowskiego. w Warschawie. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называється Siekmines; погда паспухи забавляюпся ристаніемъ на лошадахъ съ пѣснями, чпѡ опчаспи сходствуетъ съ конною процессіей (P̃fingsttritt) у Нѣмцевъ для отвращенія ненаспья (11). Около етого времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднеспва возліянiями испочникамъ и закланіемъ жерпвъ. Въ Турингiй вымышленный царь садовъ, или зеленый человѣкъ, der Lattisch-König, обвиный зелеными вѣтвями и цвѣтами, сидя на конѣ, сопровождаемъ былъ изъ лѣсу въ село веселою толпой народа, которая давала извѣстное количество яицъ для пригото-вленія кушанья. Въ Германіи Троицкія деревья (P̃fingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (P̃fingst, или Frohn и Maien-Länze) доселѣ упопре-бительны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣтвями церкви и колокольни. Въ Англіи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12). Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обру-ченіе Дожа съ Адриатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten aus der christ. Archäologie, von Dr. I. C. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8.

Руси, когда спавились въ Москвѣ на судъ и вносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамошъ.

Въ продолженіе Семицкаго придневнаго праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяютъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Ладо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчаешся въ пѣхъ особенно мѣспахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ пѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Стародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называющіяся *Гренухами* и *Гренушками* отъ *Греной недѣли*, какою памъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, относящіяся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкѣ, выходятъ изъ воды на землю около Троицына дня и оспаютъ на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обыва-
шелей праздновать весною *Троицынъ день*,
Духовъ день и слѣдующее за тѣмъ *Всесвят-*
ское заговѣнье, а зимою *Святки*.

Спаршая изъ дѣвушекъ, которая назы-
вается *Большухою*, въ Троицынъ день про-
ситъ на игрище подругъ, которыя, въ сопро-
вожденіи матерей или родственниковъ, прихо-
дятъ въ избранное мѣсто, или среди горо-
да на площадь, или въ поле близъ самага
города, всего же чаще прошивъ дому шой дѣ-
вицы, которая ихъ просила. Всѣ спановятся
въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей
предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ
дѣвушекъ, коихъ опцы бывали головами, или
другими членами общесѣва, въ продолженіе
первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по
окончаніи, раскланиваются и спановятся въ
кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ занимаетъ
другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь
не исключительно. Та пара обижается, для
коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; при-
томъ младшей пары никогда не допускаютъ

ходить посреди кружка прежде старшей; за что можешь произойти неудовольствіе и даже ссора между маперями дѣвушекъ и самими дѣвушками. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
Отпусти меня, козачинька, до дому,
Принесу тебѣ великую казну!
Мнѣ не надобно великой казны,
Обвѣнчаемся, мой соколь, со мной,
Промѣняемся золошыми перстнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
Въ коляскѣ та красная, лелю, лелю, красная.
Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Вдвое, втрое плакала, лелю, лелю, плакала;
На свой перстень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
За чѣмъ перстень тускнуть сталъ, лелю, лелю,
тускнуть сталъ?

Что со горь снѣга сокапалися, ой лелю, лелю, со-
 кашалися,
 Въ берегахъ рѣка возмутилася, ой лелю, лелю, воз-
 мутилася,
 Что по шой рѣкѣ селезень плывешъ, ой лелю, лелю,
 селезень плывешъ,
 Дѣвушкѣ вѣсть несешъ, ой лелю, лелю, вѣсть несешъ:
 Вѣсть не радозна, ой лелю, лелю, вѣсть не радозна,
 Ужъ какъ бышь дѣвкѣ за старымъ мужемъ, ой ле-
 лю, лелю, за старымъ мужемъ;
 У спара мужа собачья душа, ой лелю, лелю, соба-
 чья душа;
 Кошечьи глаза, совины брови, ой лелю, лелю,
 совины брови.

Сія пѣсня поется дважды; начало тоже,
 а конецъ перемѣняющъ, начиная съ 5го спи-
 ха, такимъ образомъ:

Вѣспку радозна, ой лелю, лелю, вѣспку радозна:
 Ужъ какъ бышь дѣвкѣ за младымъ мужемъ, ой лелю,
 лелю, за младымъ мужемъ,
 У млада мужа, сахарна душа, ой лелю, лелю, сахарна
 душа,
 Медвяны глаза, сокольи брови, ой лелю, лелю, со-
 кольи брови.

4.

У воротъ права приполочена;
 Приполочили Князя, Бояры,
 Всѣ ко батюшкѣ въ гости ѣзжучи,
 Всѣ меня младу присмотряючи,
 Что первый молвишь: за себя возму,
 Что другой молвишь: возму за сына,
 Что третій молвишь: за племянничка.
 Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
 Не ходила бы на Оку рѣку,
 Не умывалась бы тремя мылами,
 Тремя мылами, да тремя разными,
 Не ушпиралась бы полошеничкомъ,
 Полошеничкомъ, да тремя разными.

5.

Я вечеръ молода, во банкешъ была,
 Упилася млада зеленова вина,
 Позабыла млада зеленъ садъ зашворить,
 Прилешѣлъ попугай винограду щипать.
 Ужъ ты шишь, попугай, не щипли виноградъ
 Съ етой вѣточки! еша вѣточка дома надобна,
 Свекра дарить со свекровушкою,
 Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зеленъ пошла,
 Ужъ я луку-ша полошь, зеленого полошь,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
 Черезъ тынъ въ огородъ перебрасываю,
 Припаду къ терему, всё подслушиваю:
 Еще свекоръ журить со свекровушкою,
 Деверь бранить со золовушкою.

7.

Мимо моего теремочку, пробѣгалъ бѣгуночикъ,
 На томъ бѣгуночкѣ сидитъ Панъ холостый,
 Придается Панъ къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
 Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
 За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Панъ играешь,
 Козырей Панъ мало знаешь, меня Панью проиграешь.
 Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюсь!
 Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
 Либо три дни, либо четыре, русыя косы не плетешь.
 Я пойду съ горя молоденька, во зеленъ садъ гуляти,
 Обернуся я; повернуся бѣлой лебедою;
 Ужъ я стану ли выкликаши янова соколочка,
 Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
 Когда я къ тебѣ пристала, отца, матери отстала,
 Всему роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
 Ужъ какъ взялъ Панъ Панью за ручку, повель ее по
 свѣтлицу,
 Ужъ какъ спаль ее цѣловаши, пошла Панья тан-
 цоваши.

8.

Я пойду млада по горницѣ ,
 Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ ,
 Я ударю млада въ чеботы ,
 Чеботы мои сафіянныя !
 Тѣлогрѣюшка моя камчатная !
 Не жури меня , лютой свекорѣ ,
 Не твое ношу приданое ,
 Не твое ношу нарядное ;
 Государя свѣта бабюшки ,
 Государыни свѣта матушки .

Когда для каждой пары , участвующей
 въ хороводѣ , пропоеется пѣснь ; тогда четы-
 ре дѣвушки изъ старшихъ начинаютъ ходити
 по кругу , для коихъ поютъ особенную пѣс-
 ню , упоминая въ оной имя и отчество

9.

Передъ ворахами , передъ широкими ,
 Стояла шупъ калина , спояла малина ,
 На той ли на калинѣ , на той ли на малинѣ
 Чпо четыре было ягодки :
 Первая ягодка Онисья Ивановна ,
 Вторая ягодка Акулина Макаровна ,
 Третья ягодка Авдосья Никишишна ,

Четвертая ягодка Прасковья Григорьевна,
 Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
 Всѣ церкви растворялися,
 Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
 Всѣ свѣчи зашеплялися,
 Для ради Авдотьюшки, для ради Никишишны
 Князья соѣзжались,
 Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
 Сине море всколыхалосѣ.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
 Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
 На той на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
 Четыре было вѣпочки, ой Дидо, Ладо!
 На шѣхъ ли на вѣпочкахъ, ой Дидо, Ладо!
 Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
 Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
 Вторая ягодка Капинушка, ой Дидо, Ладо!
 Третья ягодка Машинушка, ой Дидо, Ладо!
 Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Столы становилися
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Скатерти разстилалися,
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Всѣ гости съѣзжались,
 Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
 Непью становилися.

По окончаніи сего , всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходятъ взадъ и впередъ , на подобіе буквы *М* : сіе дѣйствіе , по выраженію ихъ , называется : *кросны сновать*. Въ продолженіе снованія *кросенъ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужъ ты улица, улица ,
 Ужъ ты улица широкая !
 Трава, мурава шелковая !
 Изукрашена улица
 Всѣ гудками, всѣ скрипцами ,
 Молодцами , да молодцами ,
 Душами красными дѣвицами.
 Не величка птичка пташечка
 Сине море перелетывала ,
 Садилася птичка пташечка
 Среди моря на камышекъ ;
 Слышитъ , слышитъ птичка пташечка ,
 Плачетъ, плачетъ красна дѣвица,
 Идучи она за стараго замужъ :
 Ахъ , ты, старъ мужъ, погубитель мой !
 Погубилъ мою головушку,
 Всю дѣвичью красоту.

Въ отношеніи же къ молодому , конецъ сей пѣсни слѣдующій:

Слышитъ, слышитъ ппичка, ппашечка,
 Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
 Идучи она за младаго замужъ:
 Ужъ ты младъ мужъ, взвеселишель мой,
 Взвеселилъ мою головушку,
 Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
 Скакаль, плясаль воробышекъ,
 Сзываль, скликаль красныхъ дѣвицъ:
 Подьте, дѣвушки, подьте, красныя,
 На игрище, на гульбище,
 Въ большой караводъ мячемъ играй!
 Охъ, дѣвушкамъ своя воля;
 Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
 Дитя плачетъ колыбное,
 Другое плачетъ кроватное;
 Колыбному горшокъ каши,
 Кроватному печь пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
 Зеленися въ огородъ!
 Ко мнѣ завтра поутру
 Дорогой гость въ гости будешь,
 Дорогой гость батюшка родной.

Станетъ по саду гуляти ,
 Изюмъ ягоду щипати ;
 Пощипавши, будетъ кушать
 Меня молодую хвалиши ,
 Что гораздо садъ садиши ,
 Что гораздо поливаши ,
 Отъ морозу сберегаши ,
 Новиною прикрываши ,
 Той ли новиною ,
 Той ли суровою, парчею золотою.

14.

Травина ли моя, травинушка ,
 Травина ли моя шелковая!
 Еще кѣпо же траву прищипталь ?
 Прищиптали меня травинушку
 Да всё дѣвушки, да всё красныя ,
 Въ зеленомъ саду гуляючи ,
 Золотымъ мячемъ играючи ,
 Все себя же ушѣшаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла ;
 Она яхонтные камешки собирала ,
 Она камешекъ о камешекъ бросала ;
 Не во всякомъ самоцвѣтномъ камнѣ искра ,
 Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда ,
 Добрый молодецъ по бережку гуляетъ ;
 Онъ волженные прутья ломаетъ :

Изхлесталъ бы, изхлесталъ бы я васъ, прутья,
О дѣвичье, о дѣвичье бѣло тѣло!

Ужъ гораздо я молоденька согрѣшила;

Ужъ я завпреню, обѣдню просыпала,

За сердита добра молодца попала;

Онъ ужъ бьетъ меня дѣвицу не за правду,

Про свое бьетъ про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заговѣнье, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поютъ тѣже. По словамъ спарожилловъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со 2го или 3го часа и продолжаются до 5го пополудни: дѣвицы разходясь, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играютъ до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи тогда поютъ слѣд. призывныя на игрище пѣсни:

Луговая коростель,

Ладо, Ладо, коростель!

Не кричи рано по зарѣ!

Не буди меня рано на зарѣ!

У меня машушка — мачиха,

Она меня поздно спать кладетъ,

Она меня рано взбуживаетъ,

Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
 Закричи рано по зарѣ!
 Разбуди меня рано на зарѣ:
 У меня машушка родная;
 Она меня рано спать кладешъ;
 Она меня поздно взбуживаетъ,
 Къ тяжелому дѣлу — къ палицамъ, и ш. д.

17.

Конопля, конопля зеленая моя!
 Что жъ ты, конопля, не весело стоишь?
 Ахъ! какъ мнѣ, коноплѣ, веселой стоять?
 Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
 Сверху коноплю воробьи клюютъ!
 Дѣвка, ты дѣвушка красная!
 Что жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
 Ахъ! какъ мнѣ дѣвукѣ веселишкой быть?
 Мой батюшка хочешъ за мужъ меня отдатьъ,
 А мачиха хочешъ въ черницы постричь!
 Мой батюшка пошелъ боярь (1) собиратьъ,
 А мачиха пошла за игуменьею.
 Скрипнули ворота разтворчатые,
 Брехнула собака борзая на цѣпи...
 Мнѣ-чела (2) — батюшка съ боярами!
 Ажной — моя машушка съ игуменьею!“

(1) Сватъ, дружокъ.

(2) Я думала.

Садись, мое дитяшко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирать.
Смоешь, мое дитяшко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавомъ! (3)

(3) см. Украин. Журналь на 1824, Но 11. Харьковъ, въ 12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I.

ВЛАСЬЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Языческаго къ Хрістіанству, ложныя божества Рускаго народа истреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣе прочихъ сокрушенъ былъ въ Ростовѣ испуканъ *скотія* бога Волоса, или Велеса, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игровой пѣсни“ съ Даждбогомъ и Сприбогомъ (1). „Великая Минея Макарьевская, въ рукописи, свидѣтельствуетъ, что „Великій Князь Владиміръ повелѣ испроверщи, избити кумиры, овы изсѣщи, а иныя ижжещи; Волоса, его же именоваху *скотья* бога, повелѣ въ Почайну рѣку вresti.“

Коренныя народныя вѣрованія всегда почти оставляютъ слѣды свои въ жизни народной,

(1) смотри „Четью-Минею“, февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Хрістіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищъ и пребищъ освящены св. храмами; языческимъ опечеспвленнымъ богамъ пропиво-поставлены Святые Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго быта, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ епомѣ обстоятельствѣ не сдѣлать нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, который, вмѣсто Перуна, спалъ покланяясь св. пророку Іліи, доселѣ чернью представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скотъ, особливѣ коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — попому болѣе, что житіе его свидѣтельствуетъ о благопворительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и т. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ епо вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

(2) Верховажскія Записки М. Н. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Сущеснвующій донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скопскаго падежа, не еспѣ ли оспапокъ обрядовъ таинственнаго служенія Волосу; ибо шествіе епо сопровождаетъ св. иконою Власія. По Вагѣ есть довольно придѣловъ и часовъ въ честь Св. Власія; его праздникъ шамъ чествуютъ креспьяне разными приношеніями, особливо коровымъ (молочнымъ) масломъ. Донынѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, споймѣ древняя церковь во имя Св. Власія, котораго икона явилась 19 го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ епошъ день, изо всей Вельской округи креспьяне съѣзжаются и сходяпся молипся своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ шамъ обѣдню, попомъ служишъ общій, а наконецъ часпные молебны для моельщиковъ. Туда приносяпъ коровье масло, которое съ поклономъ кладупъ предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ собирается ошъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго даепся священнику съ причепомъ, а оспальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуюпъ св. покровишелю скоповодства, въ суббопѣ

предъ св. Пятидесятницею. (3) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ общныя молебны. Епископъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ окруженный скопомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровишелю рогатаго скота.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за торжествами религиозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Росткѣ, при Св. Авраамѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостолъ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ епотого идола шестиконечнымъ крестомъ, полученнымъ

(3) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

опѣ Св. Іоанна Богослова, а на мѣстѣ Воло-
сова прѣбища соорудилъ церковь. Въ Аврамьев-
скомъ монастырѣ доселѣ хранился епопѣ
крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градѣ
Росповѣ, во Авраміевѣ монастырѣ Св. Іоанномъ
Богословомъ данъ П. Аврамію побѣдипи ідола
Велеса при Князѣ Владимірѣ“. (4) Подобный
Росповскому камень (какъ видно изъ руко-
„писнаго житія преп. Иринарха Росповскаго“)
существовалъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при
Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Потомки Мери,
переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Морд-
вою, донынѣ еще опправляютъ праздникъ *Велѣ-
Оксѣ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготво-
ренные камни извѣстны были въ глубокой древ-
ности у Евреевъ, Сиріанъ, Финикіанъ и дру-
гихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ
посвященія (5). Въ Россіи, по мѣстамъ, еще и
теперь есть камни, уважаемые простымъ на-
родомъ; и, вѣроятно, камень въ Мерянскомъ
краю былъ представителемъ бога скотія. Въ
Новгородѣ находилась *Волосова* улица и до
нынѣ существуетъ древняя церковь св. Власія
на томъ самомъ мѣстѣ, которое преданіемъ
назначается испугану Волосову. Въ Южной
Россіи, по свидѣтельству Протоіерея Саби-

(4) Исторія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи М. Філа-
рета, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, спарухи завивали бороду Волосу предъ жатвою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣріе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ мифологіи есть Val-áss или Vali-áss — воль-богъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесь“ или „Волось“ созвучно также съ древнимъ vellus, руно, вóлосѣ, и средне-Латинскимъ velius „древній“, велий; но еще ближе кажется съ отечественными словами волѣ, синонимъ Тура, и волосѣ. Ежели Волось, какъ покровитель скопководства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россіи: то вѣроятно водворился въ ихъ странахъ, гдѣ были скопководцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Рускіе язычники, клявшись при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключеніи мира съ Византіянами, полагали предъ скопимъ богомъ золото; потому-что онъ почитался источникомъ богатства, какое доставляло ско-

(6) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщенія 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina. t. III. — Не имѣетъ ли отношенія къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

поводство, и по етому самому очень вѣроятно, что *скотѣ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложными* и даже *волосными*. Можетъ-снаться, самая Масляница, приходящаяся около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а возимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, ушверженномъ на саняхъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Крото Нѣмецкихъ Славянъ*?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолюдиновъ есть и поговорка: *Власій, сшиба рогѣ съ зилы*. Можетъ быть, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды епого міѳа въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часто таятся въ мирномъ углу сельскаго быта, какъ за-вѣтное преданіе незапамятной старины.

II.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшествующее праздникамъ Входа въ Іерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличается скромною веселостію и простотою, обходится безъ шапировъ и балагановъ, безъ игръ и пошлостей, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣтскій праздникъ, напоминающій торжество Еврейскихъ дѣтей, которыя подспалили ваи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Христу во время шествія Его на ослици въ земный Іерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ папріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили ломать вербу на берега Неглинной, покрытой ивами и вербами, дабы мысленно подспалить Рускія ваи подъ стопы Спасителя. До самаго царствованія Петра I, въ навечеріе праздника Входа въ Іерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Папріархъ, въ подражаніе І. Христу, шествовалъ во всемъ обла-

ченіи на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Священныя сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выносили тогда большое дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы (1). Въ память этого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (*salix*), которое къ этой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искусственныхъ цвѣтѣвъ и плодовъ съ листьями и херувимами; тогда Красная площадь превращается въ движущійся верпоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣтей упрямою за вербою, а съ сумерекъ начинается капанье въ разныхъ экипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Священнаго на ослати, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поставленія Митрополитовъ Всеросс. 1539 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гаркуютъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. Н. Д. Иванчина-Писарева. Москва. 1837, въ 12.

(2) Сѣверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акты Археогр. экспедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ такъ описываютъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Ваій, предъ обѣднею народъ собирался въ Кремль. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поспавивъ его на двухъ саняхъ, везли шихо. Подъ деревомъ спояли пѣнь опроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли моливенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадилицъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Іереи въ великолѣпныхъ ризахъ, а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ, покрытомъ бѣлою тканью: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукой длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Свяшителью устилали сукнами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносимы были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ хранящіяся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей*. Обходявъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Готт. сл. palm, страннической посохъ, съ какимъ хаживали пилигримы; на Аглин. palmer. с. *Карамз.* И. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ сопутствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощалъ у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ.“

Такъ осправляемъ былъ епопъ обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣтельствѣ Беровой лѣтописи, они дозволяли Папріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Ваій. Тогда на Красной плѣщади, самомъ мѣстѣ церемоніи, стояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Священель, *связанный дугою*, шествовалъ въ опечеспвленный Іерусалимъ на осляпи между рядами иновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выдти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Паспыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала истома и смерть. Папріаршаго осла велъ за узду, вмѣстѣ Царя, Князь Гундуровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устрялова. Слб. ч. I. 1831, въ 8.

„ушрени бываетъ служба въ соборѣ, а предѣ
 „обѣднею Папріархъ ѣздитъ на осяпи къ
 „Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ.“
 Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1636 г.
 шествіе Папріарха на осяпи, сходно съ
 первымъ въ главныхъ предметахъ, къ кото-
 рымъ присоединяетъ еще, что около пяти-
 десяти юношей въ красномъ плащѣ, скинувъ
 съ себя верхнюю одежду, разстлали ее по
 пути шествія Папріарха и Царя. Изъ Успен-
 скаго собора, по словамъ Олеарія, Папріархъ
 шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего
 давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣ-
 довалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по
 совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же
 порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ,
 при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ.
 Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются
 нѣкоторыя особенності етого церемоніала.
 Іосифъ, въ день своего избранія на Папріар-
 шество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣ-
 щенскую папернь къ осяпи, на которое
 возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля.
 Отъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ
 Спаскимъ воротамъ; за нимъ слѣдовали въ
 саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ,
 Рязанскій Архіепіскопъ Моисей, и Бояре, а
 около Папріарха шли приказные, Конюшій,
 Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золопныхъ одеждахъ, вмѣстѣ съ головою
 Спрѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же
 спрѣльцами. Въ это время проподіаконъ
 ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибы-
 тии всего шествія къ Спаскимъ воротамъ,
 Папріархъ взошелъ на уготовленное ему мѣ-
 сто и предъ образомъ Спасителя и Бого-
 матери, написаннымъ на воротахъ, прочелъ
 липію и моливу городу, и по окончаніи
 оной, трижды кропилъ образъ св. водою.
 Потомъ сошедши съ мѣста, взялъ крестъ
 и осяняя онымъ, поѣхалъ, внизъ направо
 мимо Спрѣлецкой караульни подъ гору къ
 Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ также
 читалъ липію и кропилъ св. водою; опшуда
 поѣхалъ черезъ Житный дворъ къ Боровиц-
 кимъ воротамъ. Совершивъ и на томъ мѣ-
 стѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ
 Боровицкій мостъ вправо Спрѣлецкою сло-
 бодой къ Каменному мосту и къ Неглин-
 нымъ воротамъ и опъ нихъ къ Никольскимъ,
 потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ,
 говоря у всѣхъ воротъ моливы городу и
 кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спас-
 скія ворота въ Кремль къ Благовѣщенскому
 рундуку, Папріархъ сошелъ съ осяпи на
 рундукъ и отправился вверхъ къ Государю
 въ Золотую палату. Его вели Митрополитъ
 Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а це-

редъ нимъ шли пѣвчіе, дѣяки, и пѣли спихи, въ сопустпвованіи *пламенниковъ* (7) почину. На другой день, Папріархъ, по окончаніи обѣдни въ Ризположенской церкви, сѣлъ на осла у лѣспницы съ приспупка и поѣхалъ съ двора Папріаршаго въ Ризположенскія воропы. Осла велъ за конецъ повода Бояринъ Василій Пепровичъ Шеремевъ, посреди повода Окольникій Князь Андрей Ѳедоровичъ Липвиновъ-Мосальскій, а у губы осла съ правой спороны велъ его Папріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ другой спороны велъ за узду спремянный конюхъ, тѣже самые, которые присупспвовали при церемоніи въ прошедшій день. Папріархъ поѣхалъ отъ Собора, мимо спараго Дворца Царя Бориса, къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія воропа. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Черпольскія воропа, слѣдовалъ Папріархъ по Бѣлому городу къ Арбапскимъ, Никипскимъ, Тверскимъ и Пепровскимъ воропамъ, на Трубу, къ Неглинной, чрезъ которую тогда моспа не было. Для сего Папріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. посившіе пальмы или вербы, можешъ статься, тоже что *Огненники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ, въ красныхъ кафтанахъ.

по Неглинной мимо Спирѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шелъ къ Срѣщенскимъ вѣрошамъ, у коихъ остановясь, говорилъ молишву и окропѣ св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣщенскою улицей, въ Кипай Никольскою улицей, вѣхалъ въ Кремль въ Никольскія вѣроша, опшудакъ себѣ на дворъ Папріаршій и путь сошедъ съ осла у лѣспницы. Папріархъ, вѣхавши около города, у каждаго вѣроша говорилъ молишвы; за нимъ слѣдовали Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и два Пречистенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водою. Сошедъ Папріархъ съ осла, опправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На претій день, Марша 29го, происходила подобная церемонія. Папріархъ, опслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу; возвращясь опъ него, сѣлъ на осла у себя на дворъ у лѣспницы, поѣхалъ Ризположенскими вѣрошами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣщенскія вѣроша, вѣхалъ у Бѣлаго города къ Яузскимъ вѣрошамъ, у коихъ прочтя молишву и кропѣ св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

ворота въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольничій, Патріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Патріархомъ осла, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепіскопъ не присупствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Патріархъ приѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольничаго на подворья, а стола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не приспало“ (8). Въ Треодіонѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Ваіѣ, совершенной Патріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повнорялась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Патріархъ словами Хріста посылалъ Протопопа и Ключаря за осятемъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Патріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему описъчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напестольный крестъ, и оѣнивъ имъ Царя, сѣлся на осла, которое Государь бралъ и велъ за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спаськія ворота въ преднесе-

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, Г. Успенскаго. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, No 3.

ніи нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваи; по прибытіи въ Соборъ процессіи, дочипывалось Евангеліе и начиналась литургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее почто такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, опрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на осяпи Папріарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Пепръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрытаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подспилали Папріарху, по словамъ писателя, свои одежды и разныя ткани: Папріархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное хожденіе съ иконою *Входа Господня*, аще молва гдѣ гается, или будутъ настоять *благоговѣйніи людие*.

Россійскій Папріархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію обрядъ шествія на осяпи и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

(9) Anhang von der Neupfischen Religion. Leipz. 1698, in 12.

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, призналъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего опечеснѣва. Предоставивъ Папріарху епомъ обрядъ, какъ уже вкоренившійся въ Сполицѣ, онъ запрѣтилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ епо обыкновеніе только еще распространилось; а Императоръ Пётръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Папріаршества и совсѣмъ прекратилъ совершеніе епого обряда въ Россіи, исторически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Востокѣ и на Западѣ. Пахимеръ упоминаетъ о шествіи на ослѣхъ Папріарха Константинопольскаго; въ епомъ день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Ваѣа*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей *de diebus festis* свидѣтельствуетъ, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ епомъ праздникъ назывался *Dominica palmarum*, или *in palmis*, также *in ramis palmarum*. Но еще Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бѣсѣдѣ своей говоритъ: „въ епомъ шествіи, которое совершаю съ вами, простру не вѣтви пальмовыя,

„но ученіе, чшобы, подобно вдовицѣ, принесли
 „двѣ лепты.“ Киннамъ въ Римской Исторіи
 пишетъ, что и на Западѣ Императоры во-
 дили коня подѣ Папріархомъ. Олеарій же въ
 своихъ путевыхъ запискахъ, ссылаясь на
 хронику Антонина, Епископа Флорентин-
 скаго, свидѣтельствуетъ, что Императоръ
 Константинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ,
 держалъ за узду лошадь у Папріарха Миха-
 ила Келуларія, когда онъ садился на нее, и
 велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрез-
 вычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ,
 смотрѣвшихъ въ Краковѣ подобную церемо-
 нію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій
 Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изоб-
 ражаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Іе-
 русалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о
 „порожеслѣвенномъ шествіи Спасителя, еже-
 „годно въ день праздника Входа Архіерей Св.
 „горы Сіона съ браціею, спранниками и жи-
 „телями Іерусалима, по примѣру Хріста и
 „учениковъ его, отправляется въ Виѳфа-
 „гію и, тамъ облобызавъ св. землю, творять
 „моливу; потомъ Архипастыръ говоритъ
 „малому своему стаду поученіе, приличное
 „времени и мѣсту. По окончаніи духовной
 „бѣсѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Еван-
 „геліе отъ Матѳея, которое обыкновенно
 „въ епошъ день назначено для чтенія въ

»церкви и при словахъ тогда Иисусъ посла
 »два ученика, глаголя имъ — Архїерей гово-
 »ритъ двумъ братіямъ, которые приходятъ
 »къ нему и дѣлаютъ поклоны: *Идите въ весь,*
 »*яже прямо вама;* напоследокъ діаконъ окан-
 »чиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое
 »брацій идутъ ко граду, т. е. къ тому мѣ-
 »сту, гдѣ нѣкогда была весь ослицы и, на-
 »шедши пригопвленное уже тамъ осла, ве-
 »дутъ его къ Архїерею, котораго и сажаютъ
 »на епо живошное, покрытое одеждою. Архи-
 »епископъ, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ
 »Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопро-
 »вожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ,
 »которые постилаютъ ему на пути травы,
 »цвѣты и одежды свои и, подобно дѣтямъ
 »Еврейскимъ, поютъ *Осанна*. По прибытіи
 »къ тому мѣсту, гдѣ Христосъ, увидѣвъ
 »градъ, оплакивалъ его, читается XIX глава
 »Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается
 »плачъ Іисуса. Потомъ шествіе продолжается
 »при безчисленномъ спеченіи народа. Какъ
 »нельзя нынѣ входить черезъ Золопья во-
 »роты: то процессія вступаетъ въ Сіонскія

(10) Die Feste der alten Christen, von D. J. W. Augusti.
 2 B. Leipz. 1818, in 8. — О великихъ Господ-
 скихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ.
 1835, въ 12.

и опшуда доспигають церкви Спасителя. Тамъ сходитъ Архіерей съ осяпи и по успаву совершаетъ въ церкви службу, копорая оканчивается благословеніемъ народу.“

Въ Римско-Каполическихъ спранахъ, кромѣ освященія ваіи, существовало прежде обыкновеніе въ праздникъ ваіи, у Нѣмцевъ названный голубою Пасхою (der blaue Ostertag и Palm-Sonntag,) возитъ въ процессіи колесницу, на которую спавился рѣзный изъ дерева осель съ изображеніемъ возсѣдающаго на немъ Хріста.

Отечественная церковь для своихъ цѣлей скорѣе могла заимствовать обрядъ шествія на осяпи отъ Грековъ, чѣмъ отъ Латынянъ, по опчужденію себя отъ послѣднихъ. Вѣроятно, Россійскіе Свяшители, издревле хиропонисанные въ Царьградѣ, и паломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ епо торжественное дѣйствіе, перенесли его въ свое отечество, гдѣ оно измѣнялось въ частныхъ особенностяхъ, смотря по обстоятельствомъ времени, по произволу Государя и Свяшителя. И такъ, обыкновеніе сіе, похвальное по назиданію, какое Самодержцы подавали народу своимъ смиреніемъ и уничиженіемъ въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ царствующимъ, было не новое и не частное для одной Россіи: оно проявляло духъ того вѣка и сдѣлалось исторически въ ней извѣ-

спнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ спалъ сморѣлъ болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: то сперва на Западѣ, потомъ на Воспокѣ, а наконецъ и въ нашемъ опечеснѣвъ онъ уничтожился; но воспоминаніе оспалось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ собирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, сморѣлъ и покупать изукрашенную вербу. Капанье въ екипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще накануне праздника Входа въ Іерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываешь торжественный ходъ съ освященными молитвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Копельвѣ Ахтырскаго уѣзда, по свидѣтельству Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтноносное Воскресенье, въ Липвѣ и

Польшѣ изъ каждой приходской школы, выбирали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣтовъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ плашкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Липавѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы били взаимно дѣшей и домашнихъ, говоря:

Ne ja biju,
Werba bije.
Za tyżdeń,
Welik deń.
Chira w lés,
Zdrowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ отчасти удерживается въ великой Россіи у простолюдиновъ; кто проспалъ Вербную заупрелю, того бьютъ вербою, приговаривая: *Не я бью, а верба бьетъ, или Верба хлѣстѣ, бей до слѣзѣ! на красныя яицы, на мягкія перепечи!* Выше замѣтили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скопину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напастей.

(11) Lud Polski, p. L: Gołębiowskiego, w Warsz. 1830, in 8.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ , или УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССИИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священной обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Истории міра дѣлами. Обычаи праописцевъ, законы и самая религія освящали сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, законною (*dikaia*), а Римляне *justa*, т. е. *funera*; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишился погребенія или не былъ на поминавеніи родныхъ подвергался въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ беззаконнымъ, именно въ

(1) *M. T. Ciceronis de legibus l. III. ed. I. Goerenz. Lipsiae. 1819, in 8.*

(2) *Тов. IV, 17. Иерем. Сир. VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible, par le pere Dom A. Calmet. VI t. à Toulouse. 1783, in 8.*

такихъ словахъ: не погребутся, ни оплатутся — и не преломятъ хлѣба въ стенаніи ихъ ко утѣшенію надъ мертвыми, и не дадутъ или питія таши ко утѣшенію надъ отцемъ и матерію ихъ (3). Добрый Товітъ, въ день Св. Пятидесятницы за прапезою, услышавъ отъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ (отъ рода) удушенный лежитъ на торжищѣ, оставилъ свою прапезу и пошелъ его похоронить (4), положивъ его до захождения солнца въ нѣкоемъ домѣ. — Слѣдуя етому челоѣколюбивому примѣру, церковь поставляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенствующей церкви Хрістіане изъ челоѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣстны были подъ именемъ *труждающихся*, которые и донынѣ поминаются на екшеніи въ божественной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковь. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Иереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товіта*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И еще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребяхъ его.

(5) *κοιῶνται*, *κοιῶντες*, *fossarii*, *vespillones*. — R. P. Goar *ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ*, s. rituale Graecorum. Venet. 1730, in f.

XIV вѣка еще и доселѣ существуетъ состоящее изъ почепныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежапъ за честь себѣ поставляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлю благопворитъ убогимъ и погребаетъ ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное плащье, съ закрытымъ лицомъ, несутъ на плечахъ своихъ пѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предають его землѣ (6). Въ Россіи были такогожъ рода пруженики, которыхъ имена сохранены для насъ опечеспвенными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣскомъ С. Даніиль Пропасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Спанило и нищей Жгальцо. Спражи Убогихъ домовъ назывались *Божедомами*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадными* и *Божатыми* (7).

„Хрістіанская набожность нашихъ предковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Истории — произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селою скудельничимъ*, гдѣ люди добролюбивые, въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, сходились рыть могилы, для

(6) Съверные цѣшты. Спб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ*.

„спранниковъ и пѣпъ паннихиды въ успокое-
 „ніе души пѣхъ, коихъ имена, опечество и
 „вѣра были имъ неизвѣсны; они не умѣли
 „назвать ихъ, но думали, что Богъ слы-
 „шитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ
 „Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно
 „хрістіанскія молитвы. Тамъ погребались
 „пѣла, находимыя въ окрестностяхъ города,
 „а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ опечествленной Исторіи прогашель-
 ное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обы-
 чаѣ предковъ нашихъ заславляетъ насъ из-
 слѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, пѣмъ
 болѣе, что онъ принадлежитъ къ опечествен-
 нымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по
 своему началу, цѣли, времени и мѣсту его
 учрежденія въ Россіи. Еще и теперь существу-
 ютъ многія урочища, запечатлѣнные названі-
 емъ *Скуделенѣ*, или *Убогихѣ домовѣ*, какъ въ са-
 мой древней Столицѣ, такъ равно и во многихъ
 другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи доли*, получи-
 ли свое начало отъ подражанія бывшему
 близъ Іерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудель-
 ницу*, купленному Іудейскими Архіереями за
 тридцать сребрениковъ, цѣну предательства
 Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) *Жармз.* И. Р. Г. т. VII. 2 изд.

село крове (Акелдама). Такъ какъ епо поле скудельниче (αὐρὸς τοῦ κερμέως), изпощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Иудеями для погребенія спранными, т. е. Иудеямъ, приходившимъ въ Иерусалимъ на поклоненіе Богу изъ отдаленныхъ спранъ и, при внезапной смерти своей, неимѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жипели Иерусалимскіе не допускали хоронитъ ихъ на своихъ кладбищахъ. I. Злапоустъ говоритъ, что при самомъ въѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ Rutilulae, гноища.

Въ Россіи Скудельницы, успроенныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйвищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завѣщанія Митрополита Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронитъ себя за городомъ на гноищѣ. Въ Костромѣ донынѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана на гноищи. Убогіе домы сходствуютъ съ *Жалямя* и *Жальниками* въ лѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матѣ.* XXVII, ст. 7. — *Дѣян. Апост.* I. ст. 19, см. D. J. Rozenmülleri Scholia in Nov. Test. t. I. Norimb. 1835. 8.

на етихъ Жальникахъ хороняшъ самоубійць и младенцевъ мершворожденныхъ. Усыпальницы же въ нѣкоторыхъ монастыряхъ состояшъ изъ сарая съ ямникомъ; куда ставяшъ гробы и засыпаюшъ ихъ землею тогда, когда ими наполнился весь ямникъ.

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внутри городовъ, при церквахъ; а убогихъ опвозили на Убогіе дома, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій чепвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаешъ всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій и приносишъ *огнистительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бывалъ на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и спекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мершвыхъ: благочестивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками шѣла, по большей части, завернушыя въ рогожки, и по Хрістіанскому милосердію, не гнушаясь опврашительнаго вида и запаха пруповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

(10) Книга *Пектікостаріонъ*, еже есть *Пятдесятница*. см. Службу въ недѣлю *Пентікосіин*.

сарая, опряпывали оныя, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленные для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи епихъ ямъ, Духовенство совершало общую панихиду; послѣ чего доброхотными дашелями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милосшыня и приносимые шуда съѣстные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Папріархомъ, Архимандрішы и Власти на Убогій домъ для опправленія общей панихиды по убогихъ, копорыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принцъ Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что такая церемонія совершалась проекрапно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамоты 1548 г. (13), или въ другой день.

(11) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubernae. 1620, in 12.

(13) Акшы археографической Экспедиціи. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ простымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ существующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное прообразование оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминають не только опечествленные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравственности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ языческой Тризны или Справы къ благочестивому и человеколюбивому обычаю погребенія и поминаненія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: „надъ мерпвеца идѣте, яко вси мертвени есмы“ (14).

Съ постепеннымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ етопъ обычай, пропиво-поставленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Хрістіанства. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣшамъ своимъ. Спб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, застигнутые насильственною или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминовенія.

Но прежде нежели рассмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобранъ самое значеніе словъ *Убогіе домы*.

§ 1. Въ праздникъ Пятидесятницы, *уже есть святѣ седмици*, Церковь наша, воспоминавая въ мертвенныхъ молигвословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, отъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искупителя, ходатайствуетъ за *убогихъ* Божіихъ, постигнутыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, оправленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

(15) см. *Пентікостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу по Пасхѣ.

женныя понятія, такъ что и разное словопроизводство имъ не противорѣчитъ. Если принять производство онаго отъ словъ *у Бога*, т. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, т. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средства къ пропитанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, спранныхъ, или со стороны пришедшихъ, стороннихъ. Если же производить сіе слово отъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ антиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомкѣ написано *на убоихѣ домихѣ*): то будетъ означать убитыхъ, или застигнутыхъ насильственнымъ смертію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казненныхъ пороговою казнію. Достоверно, что и тѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись тѣ и другіе, какъ объясняется древними памятниками, простонароднымъ и обласнымъ употребленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводства послужишь великаго въ благочестивомъ смиреніи Архипаспыря Св. Димитрія Туптала *Духовная грамота*, гдѣ онъ именно такъ завѣщаетъ: „И еще мене „*шако нища* никто же восхощетъ обычному „*предаши погребенію*, молю убо тѣхъ, иже „*свою смерть* памяспвуютъ, да опвлетъ „*купъ* мое грѣшное тѣло во убогій домъ, и

„шамо между прупіямъ да повергуть е.“ (16)—
 Въ доказательство же вшораго послужиць
 намъ послѣдняго Папріарха Росс. *Адріана*
наказъ поповскииъ старосталиъ, гдѣ именно
 означается, кого должно хоронить на Убо-
 гомъ дому: „А который человекъ обѣсип-
 ся, или зарѣжеться, или купаясь и похва-
 ляясь и играя упоиеться, или вина опьеп-
 ся, или съ качели убьется, или иную ка-
 жую смерть самъ надъ собою своими ру-
 жами учинить, или на разбоѣ и на воровствѣ
 „какомъ убиить будетъ, и тѣхъ умершихъ
 „тѣлъ у церкви Божіи не погребать, и надъ
 „ними оппѣвать не велѣть, а велѣть ихъ
 „класъ въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад-
 „бища и убогихъ домовъ. Который чело-
 „вѣкъ на разбоѣ, или на воровствѣ будетъ
 „биить, и пришлоуть для исповѣди къ опцу
 „духовному, и того разбойника или вора при
 „смерти исповѣдають, и по разсужденію опца
 „духовнаго, запасными дарами причастить, а
 „какъ онъ умретъ, и его положить безъ
 „оппѣванія въ городѣ въ убогомъ дому,
 „гдѣ такіежь воры и разбойники кладутся.
 „Которые въ городѣхъ воры и разбойники
 „мужеска и женска полу по указу Великаго

(16) Сочиненія Св. *Димитрія М. Ростовскаго* I т. М.
 1805—7, въ 4.

„Государя осуждены будупъ къ смертной
 „казни, и тѣ воры и разбойники при смерти
 „проситъ будупъ опцевъ духовныхъ, чпобъ
 „имъ предъ ними исповѣдапъся, и тѣхъ во-
 „ровъ и разбойниковъ велѣтъ попомъ испо-
 „вѣдапъ, и по разсужденію опцевъ духов-
 „ныхъ, запасными дары причаспишъ, и по-
 „слѣ казни велѣтъ ихъ класпъ въ Убогомъ
 „дому« (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится,
 что на Убогихъ домахъ иногда хоронили
 и самоубійцъ; сіе подтверждается также
 грамопою Папіріарха Філарета (за полвѣка
 до Адріанова наказа), данною 1619 года Арза-
 мазскому Спаскому монастырю (18). Упо-
 миная о сборѣ вѣчныхъ и похоронныхъ по-
 шлинъ съ крестіянъ того монастыря, Свя-
 шитель заповѣдываепъ: „похороняши имъ
 „тѣхъ людей, надъ которыми учинится ско-
 „рая смерть, кусомъ подавится, или кпо
 „кого ножемъ зарѣжешъ, или съ древа убьешся,
 „или упонешъ не купаючися, или оправною
 „смертію умрешъ, а не самъ себя оправитъ,
 „тѣхъ у церкви Божіей похороняши и надъ
 „ними оппѣваши, какъ и надъ прочими хрі-
 „стіаны; а который человекъ вина опьешся,
 „или удавится, или зарѣжешся, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.

(18) Исторія Росс. Іерархіи. т. III. стр. 269.

„челей убьется, или купаючись ушонептъ,
 „или самъ себя отправишъ, или иное какое
 „дурно самъ надъ собою учинишъ, и тѣхъ въ
 „церкви Божіей не похороняши и надъ ними
 „не оппѣваши, велѣши ихъ классти въ *убогихъ*
 „*домахъ*, а похороннаго имаши по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что это постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ исключеніемъ, которое опчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершать моленіе надъ самоубійцею, *аще онъ будетъ во истину уми погубилъ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Митрополитъ Філаретъ, дозволено самоубійцу похоронить на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Димитрія Самозванца, вынуто изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ отъ *убогихъ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

(19) Мороз. Лѣтоп. въ *Жар. Ист. Гос. Росс.* т. XI.

(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился Убогій домъ съ церковію, донынѣ состоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и пруръ Димітрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистные остатки злодѣя, опвезенъ въ Убогій домъ (гдѣ нынѣ Убожedomскій Покровскій монастырь); но дроги, на коихъ лежалъ Опрепьевъ, не проѣхали въ воропы сего дома: по духу тогдашняго времени, епо приписали чуду — пруръ сняли съ дрогъ и спацили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Опрепьева пѣла на Убогомъ дому, какъ тогдашній лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, видали надъ нимъ разные чудные и спрашные призраки, слыхали вопли и завыванія; пруръ его будто являлся по за верспу предъ Убогимъ домомъ, по близъ онаго; къ етому выпалъ глубокій снѣгъ, насталь холодъ и свирѣпствовали ужасные вихри (епо было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего тогда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушные остатки безпокойнаго мёртвеца на Серпуховскую дорогу и въ мѣспечкѣ Коплахъ сожгли его и пепель разсѣяли по

(21) *Мичурина* Планъ Москвы, 1739, и Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И пакъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напутствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ оппѣванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельнига*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія спранныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло бытъ употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, бесплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человекомъ.

§ 2. О скудельницѣ въ первый только разъ упоминаетъ Новгородскій Лѣтописецъ 1250 года, что Архіепіскопъ Спиридонъ поставилъ въ Новгородѣ скудельницу у Св. Апостолъ, въ ямѣ на Пруской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человеколюбиваго мужа Спанилу. Лѣтописецъ, говоря объ епомъ, по тогдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляешъ слова: *и вложи Богъ въ сердце
благое творити Владыцѣ.* Тупъ же лѣтопи-
сецъ замѣчаетъ: „инѣи (во время голода) про-
„сшаа чадъ рѣзаху люди живыя, и ядоху; а
„иныя мерпвое трупѣе обрѣзывающее ядоху—
„и поставиша другую скудельницу конецъ
„Чюдницевъ улицѣ, а та полна бысь.“ — Во
время сильного мора въ Смоленскѣ, 1251 года,
сдѣланы были чепыре скудельницы; въ двухъ
положено 16 тысячъ человѣкъ, въ прешей
7 тыс., а въ чепверпной 9 тыс. челов. (25).
При распространѣнїи Черной смерти въ Рос-
сїи, въ XIV в., строились во многихъ мѣ-
стахъ скудельницы для погребенїя погибшихъ.
Когда епомъ моръ посѣпилъ Псковъ: тогда,
по сказанїю туземнаго лѣтописца, „веледуш-
„нѣи, весь спрахъ смерпный опъ сердецъ
„своихъ опринувше, безъ сомнѣнїя, и чуждая
„мерпвецы, или сиропы и убогѣи небрегомы,
„тѣхъ опряпывающе и износяще, погребяху
„и памяпъ по нихъ пворяще службами и
„просвирами, спасенїя ради себя и своимъ
„душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года,
въ Неревскомъ концѣ, при Звѣринскомъ дѣви-
чемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова
Богородицы *велїя скудельница.* Архіепіскопъ

(23) *Карамз.* И. Г. Р. т. III, прим. 335.

Іоаннъ , по сказанію лѣтописи , слышалъ
свыше гласъ: *иди со кресты въ Неревской ко-
нецъ и престанетъ моръ*. Послѣ молебна предъ
явленою на скудельницѣ иконою С. Симеона
Богопріимца , моръ спалъ прекращаясь. Во
время Псковскаго мора, 1465 года, во всякомъ
концѣ выкопаны были скудельницы, гдѣ кла-
ли мерпвыхъ (24). Въ Софійскомъ времен-
никѣ , подъ 1474 годомъ , упоминается о
селѣ *скудельникѣ* въ Москвѣ и припомъ
повѣствуется слѣдующій замѣчательный слу-
чай: „Человѣкъ нѣкій во градъ Москвѣ хо-
„дивъ по обычаю къ селу скуделничу, иже
„имѣють гражане на погребеніе спраннымъ:
„обычай же имѣяху въ чепвергъ 3 недѣли
„ходиши тамо, и купяху шупо канонъ и
„свѣща и молбу шворяху о умершихъ (вку-
„пѣ же и сей идяше) и загребаху спарую яму,
„иже полную мерпвыхъ накладену, а новую
„ископаваху; шуже вси и копають и засы-
„пають землю Бога ради, но вси гражане
„мужи и жены. Сей же человѣкъ возьмъ въ
„приполъ земли изъ новыя ямы, да понесе
„на ту спарую, и шѣснопы ради людскыя
„споткнуся паде на земли, внезапно оглохну
„и онѣме.“ Мощи св. Оеогноста Митрополіта
въ Успенскомъ Соборѣ его изцѣлили. —

(24) Карамз. И. Г. Р. т. V.

Въ *Новгор. Лѣт.* подѣ 1570 годомъ, когда случился моръ, упоминается, что 8го Сентября, за городомъ у Рожества Христова на полѣ вѣмъ Новымъ городомъ, вѣми соборы опыѣвали умершихъ надъ скудельницею и загребали скудельницу: а душъ въ 11пой скудельницы 10 тыс., а шупъ былъ на провожаньи Иванъ Жгальцо, нищей старецъ, который въ пѣхъ скудельницахъ по-гребаешъ. Когда въ голодный годъ на Двинѣ, въ Холмогорахъ въ 1549 г. мерло много людей: тогда погребали мерпвыхъ человекъ по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь Іоаннъ Васильевичъ на мѣстѣ Скудельницы, или пакъ называемаго *Рускаго кладбища*, гдѣ погребены были пѣла Рускихъ, падшихъ при осадѣ Казани, построилъ въ 1552 году Зиланшовъ монастырь (26). Когдажъ оно перенесено было на другое мѣсто: то прозвано *Убогимъ домомъ*, а нынѣ *Вязкомъ* опъ сросшихся памъ вязовъ, или опъ вязкоспи. С. Даніилъ Пропасьевъ, крестный отецъ Царя Іоанна Васильевича, сперва жилъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ Божедомской гробницѣ полагалъ съ подо-

(25) Опытъ трудовъ вольнаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Іерархіи. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ моли́твословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, опіосилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные копы и сопнями возили за городъ въ при скудельницы, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца схоронено было 127 тысячъ чеповѣкъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау, чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимилиана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне „хоронятъ въ склепахъ подъ церквами; для погребенія черни вырываютъ большую яму, въ которую, какъ скоро кто умретъ, кладутъ „тѣло безъ обрядовъ и безъ покрытія онаго зем-

(27) Рускій временникъ. 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) Карамз. И. Г. Р. т. XI.

(29) *Moscoviae ortus et progressus*, authore *Dantele Prinz* à *Bucchau*. Gubenaе. 1679. in 16.

„лею. Черезъ три или чепыре мѣсяца, памѣ
 „спроютъ домикъ (*domunculam*) и предаютъ
 „трупы надлежащему погребенію при великомъ
 „спеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые со-
 „провождаяютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя
 „церемоніи при жды въ годъ совершаются.“
 Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флешчеръ
 именно такими словами: „Зимою же, когда
 „земля опѣ холода опвердѣетъ такъ, что
 „нельзя рыть ямъ; всѣ трупы свозятъ на
 „общественное мѣсто, называемое *Божій*
 „*домъ*: тамъ онѣ замерзаютъ опѣ спужи;
 „по наступленіи же весны и по растаяніи
 „лѣда, всякой тамъ ищепъ между мершве-
 „цами своихъ родныхъ или знакомыхъ. При-
 „крывъ нагому труповъ своимъ плащемъ,
 „предаютъ землѣ и совершаютъ молишвы
 „объ усопшихъ“ и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Ми-
 хайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пи-
 шепъ, „что убитыхъ и замерзшихъ при-
 „возятъ въ Земскій приказъ, къ которому оп-
 „носятся многіе таковыя случаи, и тамъ

(30) *Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario to-
 pographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an.
 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Димит-
 ріи Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1831, въ 8.*

„выставляють тѣла на три или чешыре
 „дни. Ежели найдутся какіе либо родствен-
 „ники или знакомые мертвыхъ: по увозятъ
 „ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они оп-
 „сылаются въ большое подземелье со сво-
 „дами, которое называется Божіимъ домомъ
 „(Bozky, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ
 „до 100 или 200 труповъ и оставляють ихъ
 „до весны, а весною священники погре-
 „бають оныя и засыпають землею. Трид-
 „цать дней послѣ погребенія, родственники
 „приходятъ чинать Псадтырь надъ моги-
 „лою, выстроивъ тамъ небольшой шалашъ
 „для защищенія себя отъ непогоды“ (31). Та-
 кіе шалаши или будки запрещено строить
 при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, ука-
 зомъ 1723 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка, какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ нахо-
 дится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ
 кладутъ въ общую яму, выкопанную на че-
 тверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею
 и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапыва-
 ютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper
 plates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребаютъ только богатыхъ за вклады“ (32). Къ етому описанію еще прибавляетъ онъ, что „трупы неизвѣстныхъ ки-
„дались въ извѣстковую яму, для сего при-
„готовленную, гдѣ съѣдала оныя извѣсть.“

Въ одной старой пѣснѣ, временъ Императрицы Анны Ивановны, несчастный пѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Вытащутъ оптоль, изсушатъ, какъ моль,
Почнутъ попрошиться, чтобъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семика.

§ 3. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамотахъ Папріарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и синодикахъ, кромѣ преданій, донынѣ существующихъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобытное имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памянникахъ у Рускаго народа.

(32) Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. *Евгенія* Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, слывающая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Чеспнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домѣхъ* (33). Вѣроятно, ето первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построенія тамъ первой деревянной церкви не извѣстно: думать надобно, что лѣтъ сто сущесивуетъ нынѣшняя каменная, копорую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь еша имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лагры; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ домѣ*, что за Срѣтенскими, ворошами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ тѣлами убогихъ и обвалившіяся могилы на полянѣ прошивъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилкахъ

(33) *Мишурина* планъ Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своею повелѣлъ „нѣ- „кому челоѣку тѣло свое положить въ домъ, идѣже „странніи и незнаеміи и нищїи погребаются.“ По етому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминаль покойниковъ и праздновать честный Семикъ; теперь онъ сравнены съ землею и путь проведена дорога. — Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрощенію Святейшихъ Вселенскихъ Папріарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожедомской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной рошѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при рошѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожъ имени, слывущъ на *Убогихъ Домахъ*, или на *Божедомкѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гулянье называюща *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветъ Петровны Убогій домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ - Коллежскому валу на поле, между етой церковью и перешпнимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

тамъ разграбленія тѣлъ. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной рошѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣческіе и конскіе трупы, поднятые въ древней Спюлицѣ. — Покровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построенъ на комнапныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рожественскій монастырь, что на полѣ у скуделенѣ. — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сѣрокѣ церковь Нерукопвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Хрістова въ Плѣницахѣ*, и пр.

Никонъ Папріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, наименовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельницѣ* (35).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣлѣли божедомскія церкви и

(35) Ист. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 309.

монашпыри и даже оспатки самыхъ Убогихъ домовъ , такъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семъ обрядахъ. Наименуемъ нѣ-
 торые изъ оныхъ. Оспатки упоминаемаго Св. Димитріемъ Росповскимъ Убогаго дома еще и донынѣ сущесгвуютъ въ Росповѣ , въ Лаза-
 ревскомъ приходѣ, 2 кваршала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя коспями человѣческими , кои размыты дождемъ, или раскопаны при до-
 ставаніи песка изъ рыпвинъ; ещо при церкви Владимірскаго Богоматери , въ Рыбинскомъ переулкѣ; оспюда кладбище, по свидѣтельспву старожиловъ, въ первые годы царспвовапіа Екаперины II, перенесено къ церкви С. Леонпіа Чудотворца, куда ежегодно 23 Мая, въ воспоминапіе прежняго крестнаго хода на Убогіе дома, бываетъ изъ Собора крестное жъ хожденіе. — Въ Нерехѣ у самаго города еспъ лугъ съ восточной спороны, называемый *Пахоміевскою* поляною, гдѣ находится каменный сполпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахоміа съ 1592 г. и уничтоженной вмѣспѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На епомъ мѣспѣ сущесгвовалъ *Божедомовъ* дворъ, куда свозили замерзшихъ , ушоплениковъ и умершихъ безъ покаяпіа , въ вырытой ямѣ по-
 гробали при многолюдномъ спеченіи жише-
 лей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви оп-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь собираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Коспромѣ подкидывали на Убогіе дома зазорныхъ дѣшей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками собиралъ милоспыню, возя малолѣтнихъ изъ нихъ на пѣлежкѣ; подѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ припѣвалъ: „К—нъ
 „сынъ батька, к—на дочь мамка, узнай
 „свое дѣтяшко, подай ему милоспыню!“
 Иногда выискивались родители или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣшей въ Богданы. *Божедолюбъ, Богорадный, или Божапой* въ обласпномъ нарѣчїи значилъ не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣшей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Успюга великаго, при Іоанно-предпеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадаетъ множество холмиковъ, означающихъ *многогробичное* мѣсто; еѣа роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда — то и донынѣ собираются приходскіе священники о Семикъ пѣть паннихиды; послѣ чего во мно-

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыланова.

жествъ шуда спекшійся народъ гуляетъ въ Семикъ подъ тѣнію сосенъ печальной рощи (37).

Въ Вологдѣ естъ весеннее гулянье, называемое *Поляною* опъ поляны, на коей съ незапамятныхъ временъ донынѣ народъ празднуетъ Семикъ; на семь-по мѣспѣ, по свидѣтельству Митрополита Еггенія, былъ Убогій домъ или погребъ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали тѣла самоубійцъ; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, шуда бывалъ крестный ходъ съ оппѣваніемъ паннихиды надъ погребенными; послѣ чего клали тѣла въ вырышую яму и засыпали землею, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда строились особыя церкви, а иногда часовни для приспанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Ешу часовню другой неизвѣстный изыскатель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикъ, сооруженный надъ тѣлами двухъ витязей *Бѣлоризцевъ*, по преданію народному, добльспвенно подвизавшихся во

(37) Съверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Съверн. Въстн. 1804, No 11.

(39) Въстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Липовцевъ, и схороненныхъ на скудельницѣ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственной смертію.

Въ Новгородѣ великомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рожеспвенскій монастырь *на скудельняхъ*, или *на полѣ*, оспалась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построенная надъ прахомъ Князей Василія Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, памъ казненныхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую паннихиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходятъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плачу и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣкто Корнилій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ *Божедомскій монастырь*, нынѣ упраздненный (40).

Въ прехѣ верстахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русянкѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, спойтъ дере-

(40) Исторія Росс. Іерархіи, т. III.

вянная старая часовня, извѣстная тамъ подъ именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались самоубійцы и спранники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Россіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчательно также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года Сенату Императрицею Елисаветою Пепровою: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на „Яузѣ рѣкѣ близъ Нѣмецкой Слободы имѣется, „въ которомъ Мы, въ наше присутствіе въ „Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой „Слободѣ и близъ оной при церквахъ, кои „при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются, „кладбища мертвыхъ нѣтъ, особливо же въ „слободѣ въ склепахъ незасыпанные землею, „кои хотя прежде и дозволено было; но „тогда оная слобода была въ отдаленіи отъ „жилья въ краѣ къ пустымъ мѣстамъ и „нынѣ между Нашимъ Дворцомъ въ срединѣ „быть стала и для того погребенію мертвыхъ нѣтъ весьма нудно быть не прилично „да и опасно; и того ради Повелѣваемъ: какъ „въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близъ оной „при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ „улицахъ имѣются, отъ сего времени мертвыхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпанные, землю,
 „засыпать; а впредь тѣхъ приходовъ обы-
 „вашелямъ мертвыхъ своихъ погребать въ
 „полѣ и для того отвести удобныя мѣста
 „за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются Убо-
 „гѣ доли въ сторонѣ отъ проѣзжихъ боль-
 „шихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья,
 „по разсмотрѣнію, а для Русскихъ, гдѣ от-
 „водится, построить церковь небольшую
 „на Нашъ кошъ, чтобъ не въ полѣ, но при
 „церкви по Хрістіанской должности оныя
 „погребены были.“ — При етой же Госуда-
 рынѣ въ 1744 году впущенъ былъ въ Сенапъ
 Главной Полиц. Канцеляріи Членъ Молта-
 новъ и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе,
 копорымъ пребовалъ, чтобъ „на Убогомъ
 „домѣ, копорый близъ Марьиной роци, для
 „погребенія мертвыхъ тѣлъ анбаръ испра-
 „вить, за неимѣніемъ въ Полиціи на то дѣло
 „денегъ, отъ Губерніи Московской съ Духов-
 „ною Дикастунією. Указомъ Сенапа 22 Маія
 „того 1745 г. предписано: анбаръ построить
 „и впредь починивать Моск. Губернской Кан-
 „целяріи изъ неокладныхъ доходовъ той Гу-
 „берніи“ (41).

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древ-
 ностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московской чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійцъ и скоропоспѣжно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божедомскіе сараи и прекращены крестные ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненныхъ, иногда самоубійцъ, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божедомами подкидыши. Но по тому отвращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ ино-вѣрцамъ, почитаемымъ погаными, нечислыми, едва ли вполне справедливо мнѣніе Карамзина, чтобы на Убогихъ домахъ погребались *тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донынѣ въ Марьиной рошѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили *тѣла* чужеспранцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣтописи (43) — и это было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

(42) Карамз. И. Г. Р. т. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, вѣ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Синоду 1730 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, что Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, тѣла умирающихъ между ими Лютеровъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хоща погребати внѣ городовъ и селъ въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хоронятъ при церквахъ и дѣлаютъ подъ сими каменныя *капища*. Указомъ предписано было капища *сломать*.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе дома въ Россіи были *постоянные и временные*; послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устраивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чтобы предохранить живущихъ отъ заразы, а тѣла усопшихъ отъ поруганія и чтобы исполнить долгъ Хрістіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молибвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удостоившіеся Хрістіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились отверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣстомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидапельное для живущихъ. Въ учрежденіи
ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ вид-
но маперинское сердоболіе Церкви, моля-
щейся за поминающихъ убогихъ (41), также
благочестіе и Хрістіанское милосердіе Ру-
скаго народа, у котораго существовалъ
еще пошъ обычай сполько вѣковъ.

(41) Въ пѣніе *Достойно* читается священникомъ въ молищѣ:
καὶ μνησμένων τῶν πενήτων.

IV.

ВЬЮНИШНИКЪ.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ называютъ субботу на Святой недѣлѣ. День этотъ празднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвинявшихся въ печеніе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣтомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаютъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ шутъ теремъ
Со крушымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Противъ косячатаго окна,
Выросло деревцо прехъ-угодливое.
Что во томъ ли терему
Дубовы столы спояшъ,
Дубовы столы спояшъ,
Бранны скаперши лежатъ;
На тѣхъ ли на сполахъ,
Медвяны яствы спояшъ.

За тѣми ли сполами
 Князья, бояре сидятъ ;
 Медвяны яствы ѣдятъ,
 Сахарныя пища пьютъ.
 Се кашайшеса, бояре,
 Со висока терема,
 Не сшибите деревца,
 Трехъ-угодливаго.
 Еще первая угода
 Подъ корень деревца,
 А другая-то угода —
 Посередъ деревца,
 А третья-то угода,
 Подъ вершину деревца.
 Подъ вершиной деревца
 Соловей гнѣздо вьетъ,
 Онъ и яицы несетъ,
 Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
 Посередъ деревца,
 Пчелы ярыя шумятъ,
 Много меду наносятъ.
 Подъ корень деревца
 Кроватъ нова пѣсова,
 Перинушка пухова;
 На той ли кроватюшкѣ,
 Ефимушка лежатъ,
 Съ молодой своей женой
 Со Оксиньюшкой душой.
 А у нихъ въ головахъ

Звончашы гусли лежатъ.
 И кому въ гусли играть,
 Кому пѣшиться?
 Играть въ еши гусли
 Ефиму молодцу,
 Ему пѣшить, утѣшать
 Молоду свою жену,
 Оксинушку душу.
 Чѣмъ васъ молодцовъ
 Спануть жаловати?
 Пивомъ, ендовой или спкляницей вина,
 Или золотой казной?
 Ничего намъ не подашь,
 Мы со двора пойдемъ,
 Мы осердимся.
 Три бѣды мы сокуримъ :
 Первую бѣду:
 Ворота мы растворимъ,
 Коней пару уведемъ;
 А другую-то бѣду:
 Избы двери растворимъ,
 Мы гостей ознобимъ.
 Третью-то бѣду :
 Во теремъ зайдемъ,
 Мы заслонъ унесемъ,
 Во печи оспудимъ,
 Гостию оголодимъ,
 И васъ молодыхъ
 На спыдъ наведемъ.

Пѣсня еѣа поѣпся до пѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино потчасъ выпивается, а деньги беретъ старшій подъ сохраненіе. Послѣ еѣго поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравствуй, молодой
Съ молодой своей женой,
И спасибо тебѣ, хозяинъ,
На жалованьи!

Припѣвъ.

Выюнецъ молодецъ, молодая,
Выюнецъ молодецъ — молодая,
Выюнецъ молодецъ — молодая,
Выюнецъ молодецъ — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окрестныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ партіи собираются въ какое нибудь село, гдѣ есть питейный домъ, на собранные деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, то есть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

(45) см. стр. 16 сей книги, и Енцикл. Лекс. т. XII.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

	страни.
1. Встрѣча весны	1—16
2. Красная горка	17—46
Игры и пѣсни	29—46
3. Радуница	47—54
4. Первое Апрѣля	55—61
5. Свислопляска	62—64
6. Юрьевъ день весенній	65—80
7. Первое Мая	81—92
8. Праздникъ кукушекъ	93—98
9. Семикъ	99—116
Семицкія пѣсни	117—126
10. Троицынъ день	127—140
Троицкія пѣсни	141—153

Дополнительныя статьи.

1. Власьевъ праздникъ	154—160
2. Вербная суббота	161—176
3. Убогіе дома	177—210
4. Вьюнишникъ	211—214

П Р И В А В Л Е Н І Я.

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено :
Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мучень.
см. Іоаниъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824,
въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, най-
денъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной
мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображе-
ніе животнаго : сіи вещи теперь хранятся въ Обществѣ
Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ
озеромъ существовало капище Турово.

П О П Р А В К И.

Напечатано:

Читай :

стр. 48 Естовъ

Финновъ и Латышей Балтійскихъ.

— 99 tölte

töhta

— 176 школы,

школы

Snegirev, Ivan Michajlovič,

Ruskie prostonarodnye prazdniki i suevěrynye obrjady

Bd.: Vypusk 3

Moskva 1838

H.g.hum. 441 h-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10446577-8